VYSLUŽIVŠIJSJ A OFICER", ILI VOJNA MONTROZA, ISTORIČESKIJ...

Walter Scott

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ,

ИЛИ

ВОЙНА МОНТРОЗА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Соч. Валтера Скотта,

Автора Шотландскихъ Пуританъ, Робъ Роя, Эдимбургской темницы, и проч.

Переводъ съ Французскаго

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Кузнецова.
1824.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1822 года, Марта 16 дня. Сію рукопись въ четырехъ частяхъ разсматривалъ Адъюнктъ, Надворный Совѣтникъ

Гаврило Мягковъ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ,
или
ВОЙНА МОНТРОЗА.

ГЛАВА XIV.

„Malheur à l étranger qui pénètre
en ces bois,
„Si, du despote altier qui se dit roi
des rois,
„Il ne vient humblement adorer la
puissance.“
Burns.

Маіоръ, лишенный свѣта Божія, находился въ весьма

опасномъ положеніи, принявшись сходить по узкой и развалившейся лѣстницѣ со всевозможною осторожностію, въ надеждѣ найти внизу мѣсто, гдѣ бы могъ успокоиться. Но не взирая на всѣ свои старанія, онъ наконецъ оступился, и это заставило его сойти послѣднія ступеньки столь скоро, что онъ никакъ не могъ сохранить равновѣсія. Къ большему же нещастію, ногою зацѣпилъ онъ за мягкое и круглое тѣло, которое вскорѣ показалось одушевленнымъ, испустивъ стенаніе. Сей ударъ до такой степени усугубилъ поспѣшность паденія Маіора, что онъ перекатился за нѣсколько ша-

говъ по сырому полу подземелья, вымощенному каменьями.

Вставши съ большею трудностію, Далжетти тотчасъ спросилъ: на кого онъ упалъ?

— „На того, кто мѣсяцъ тому назадъ былъ человѣкомъ,“ отвѣчалъ ему глухой и прерывающійся голосъ.

— „Но чтожъ ты такое теперь?“ спросилъ Далжетти, „и что тебѣ пришло въ голову, какъ ежу—спрятаться на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, подвергая почтенныхъ рыцарей, желающихъ посѣтить тебя, опасности сломить себѣ шею, столкнувшись съ тобою?“

—„Что я теперь?“ возразилъ тотъ же голосъ; „я,—

обнаженное дерево, коего вѣтви обрублены одна подлѣ другой, и которое ни мало не безпокоится о томъ, что топоръ и его скоро срубитъ, и тѣмъ окончитъ его страданія!"

—„Сожалѣю о тебѣ, товарищь," сказалъ Далжетти; „но paciеntia говорятъ Испанцы; позволь тебѣ сказать, что еслибъ ты не былъ такъ неповоротливъ, какъ настоящій пень древесный (я употребляю собственное твое сравненіе): то я вѣрно не ссадилъ бы себѣ ни рукъ, ни колѣней."

—„Вы воинъ," возразилъ сотоварищь его заключенія, „а жалуетесь на паденіе, о

которомъ и ребенокъ не сталъ бы думашь."

—„Воинъ!" сказалъ Маіоръ, „да какъ это ты могъ замѣтить въ этомъ мрачномъ и прокляшомъ погребѣ?"

—„Я слышалъ звукъ вашего вооруженія, когда вы упали, а теперь могу совершенно оное разглядѣть. Когда вы столь долго, какъ я, пробудете во мракѣ: то глаза ваши въ состояніи будушъ различать и самомалѣйшее насѣкомое, ползающее по полу."

—„Пусть лучше чортъ ихъ у меня исторгнетъ," вскричалъ Далжетти, „если должно оставаться болѣе одного дня въ этой адской темницѣ! Я желалъ бы, чтобъ

пять сотъ тысячь смертей... Но кстати, нѣтъ ли у тебя какого-нибудь съѣстнаго припасу, любезный сотоварищь моего заключенія? "

—„Мнѣ приносятъ хлѣбъ и воду однажды въ сутки," отвѣчалъ голосъ.

—„Я братъ голоденъ, какъ собака, и хотя пища твоя довольно скудная, но однакожъ готовъ сдѣлать ей честь съ твоего позволенія. Надѣюсь, что мы станемъ жить друзьями во все то время, какъ будемъ вмѣстѣ въ семъ подземномъ раю! "

—„Хлѣбъ и кружка воды стоятъ въ углу въ двухъ шагахъ отсюда, у васъ на правой рукѣ.—Возьмите ихъ; чтожъ до меня касается, то

я не долго здѣсь на землѣ буду имѣть нужду въ пищѣ!"

Далжетти не заставилъ себя повторять того дважды; нашелъ ощупью съѣстные припасы и принялся глодать овсяный хлѣбъ, жесткій какъ камень, съ такою жадностью, съ какою мы видѣли его убирающаго самыя вкусныя кушанья.

—,,Этотъ хлѣбъ," сказалъ онъ, не переставая однако же грызть, ,,не очень вкусенъ, однако же не хуже того, какой мы ѣдали при знаменитой осадѣ Вербенса, гдѣ храбрый Густавъ сдѣлалъ тщетными всѣ усилія славнаго Тилли, сего грознаго героя, предъ коимъ два Короля, Фердинандъ Богемскій

и Христіанъ Дашскій, принуждены были обрашишься въ бѣгство; и хошя эша вода также не изъ лучшихъ, но я пью ее за швое освобожденіе, а шакже и за свое, шоварищь! Желалъ бы, чшобъ вода сія превращилась въ Рейнское вино, или по крайней мѣрѣ въ пѣнящееся пиво Любекское, чшобъ придашь посшу сему болѣе важносши! "

Между шѣмъ, какъ Далжешши говорилъ слова сіи, зубы его сшоль же проворно рабошали, какъ и языкъ. Онъ скоро убралъ пищу, предосшавленную жадносши его благосклонносшью, или лучше сказашь, равнодушіемъ его шоварища. Когда Дал-

жетти кончилъ свой завтракъ, то завернулся въ плащь и сѣлъ въ уголъ, гдѣ могъ съ обѣихъ сторонъ опереться. „Съ самаго дѣтства," сказалъ онъ, „я весьма любилъ кресла съ ручками;" а потомъ принялся вопрошать товарища своего плѣна.

—„Такъ какъ мы должны будемъ и спать и ѣсть вмѣстѣ, товарищь," сказалъ онъ ему: „то справедливость требуетъ, чтобъ мы другъ съ другомъ получше познакомились. Я Дюгальдъ Далжетти Друмтваккетъ и проч., и проч., — Маіоръ въ одномъ полку вѣрноподданныхъ Ирландцевъ и чрезвычайный посланникъ высокаго и могущественнаго госпо-

дина, Жамеса Графа Монтроза. Сдѣлай одолженіе — скажи мнѣ также и твое имя?"

—„Вамъ мало будетъ прибыли его знать," отвѣчалъ молчаливый его товарищь.

—„Я самъ увижу, полезно ли это для меня, или нѣтъ," сказалъ Маіоръ.

—„И такъ я называюсь Ранальдомъ Макъ Ягомъ, или Ранальдомъ *сыномъ ночи!*"

—„*Сыномъ ночи!*" повторилъ Далжетти; „о! теперь я болѣе не удивляюсь тому, что ты такъ ясно видишь въ этой адской берлогѣ. Но Ранальдъ, — кой чортъ предалъ тебя въ руки великаго судьи?—И за какое преступ-

леніе находился ты въ темницѣ?"

—,,Злая судьба привела меня сюда," отвѣчалъ Ранальдъ; ,,знаете ли вы Лерда Арденвора?"

—,,Знаю ли я его? Очень хорошко,—товарищъ!"

—,,Но знаете ли, гдѣ онъ теперь?"

—,,Въ своемъ замкѣ. Онъ постится сегодня по набожности, чтобъ завтра посытнѣе поѣсть въ Инверрари; и дай Богъ, чтобъ съ нимъ не случилось чего-нибудь дурнаго дорогою; ибо когда онъ не пріѣдетъ, то я могу лишиться грамоты на жизнь свою."

—,,И такъ скажите ему, что одинъ человѣкъ проситъ

его о покровительствѣ, который въ одно время есть лютѣйшій врагъ его иналучшій другъ."

Охотно желалъ бы исполнить твое порученіе къ нему, еслибъ оно было нѣсколько яснѣе," отвѣчалъ Маіоръ, „что за дьявольщина пришла тебя въ голову заставлять отгадывать загадки такого человѣка, какъ Сиръ Дунканъ? Не уже ли ты забылъ, что пока онъ станетъ ломать себѣ надъ тѣмъ голову, тебѣ оную могутъ отрубить?"

— „Досадный Саксонъ!" вскричалъ плѣнникъ, „скажи ему, что я тотъ коршунъ, который спустился нѣкогда въ его замокъ и похитилъ

птенцовъ его;—я та лисица, которая открыла его логовище и истребила его дѣтей. Скажи ему наконецъ, что я глава моей шайки, которая, за пятнадцать лѣтъ до сего нечаянно напала на его замокъ и острѣемъ меча умертвила дѣтей его!"

—„Ну! честный другъ мой!" возразилъ Далжетти, „если только сіи права имѣешь ты на благосклонность Сиръ Дункана: то я прошу—избавить меня отъ порученія—ему оныя объявить. — Если и скоты злы бываютъ на того, кто похищаетъ у нихъ дѣтей: то тѣмъ болѣе разумное существо и христіанинъ. Но, скажи мнѣ пожалуй, не возпользовался ли

ты пригоркомъ, называемымъ Друмснабомъ, для овладѣнія замкомъ; ибо я утверждаю, что пунктъ сей—есть самое удобнѣйшее мѣсто для приступа, если не поставятъ на немъ редута?"

—„Мы вскарабкались на утесъ," сказалъ одинъ плѣнникъ, „посредствомъ веревочныхъ лѣстницъ, переброшенныхъ намъ изъ замка однимъ изъ нашихъ сообщниковъ, членомъ нашего племени, который цѣлые шесть мѣсяцовъ служилъ у нихъ въ домѣ единственно для сей нощи мщенія! Филинъ, летая вокругъ насъ, испускалъ плачевные крики, между тѣмъ какъ мы висѣли между небомъ и землею. Волны съ

шумомъ дробились у подошвы утеса и поглошили нашу лодку; но мы ни мало отъ того не оробѣли. Кровь и дымящійся пепелъ — вотъ что нашелъ Сиръ Дунканъ, по своемъ возвращеніи, вмѣсто дѣтей своихъ!"

—„Безъ сомнѣнія, Ранальдъ, это ночное нападеніе было прекрасно! Планъ хорошо составленъ и мужественно приведенъ въ исполненіе; однако же, будучи на твоемъ мѣстѣ, я поставилъ бы батареи свои на этомъ небольшомъ пригоркѣ, называемомъ Друмснабомъ.—Впрочемъ планъ мой былъ превосходный! Такія неправильныя атаки дѣлали въ старину Скифы, а въ нынѣшнія

времена дѣлаютъ Турки, Татары и другіе Азіятскіе народы. Но причины, другъ мой! истинной причины сей войны, teterrima causa, если ты знаешь по Латыни, ты мнѣ еще не сказалъ?"

—,,Мы раздражены были Макъ Олаями и другими Западными племенами," сказалъ Ранальдъ, ,,гонимы изъ лѣсовъ въ лѣса, не имѣя пристанища..."

—,,А, а!" сказалъ Далжетти, ,,помнится и я что-то слыхалъ объ этомъ дѣлѣ! Не всунули ли вы куска хлѣба въ ротъ человѣку, не имѣвшему болѣе желудка, который бы могъ оный сварить?"

—,,И такъ вы знаете, какъ

мы отмстили гордому хранителю лѣсовъ?“

—„Да, да! я объ этомъ слышалъ, и очень недавно:—увѣряю тебя!' Но, что за дьявольщина пришла тебѣ въ голову вложить кусокъ хлѣба въ ротъ мертваго человѣка?—Дурная шутка!—По чести, весьма дурная! — Какая польза — спрошу я тебя—въ такой безполезной тратѣ пищи? При одной осадѣ, Ранальдъ, я видѣлъ, какъ многіе живые солдаты дорого заплатили бы за этотъ кусокъ хлѣба, который дали вы трупу.“

—„Сиръ Дунканъ напалъ на насъ,“ продолжалъ Макъ Ягъ, „и братъ мой былъ умерщвленъ. Голова его съ

безчестіемъ была взоткнута на городскихъ зубцахъ.— 'Я поклялся отмстить, а такой клятвы не преступалъ ни одинъ изъ сыновъ нощи!"

—„Очень хорошо," сказалъ Далжетти; „всякой истинный воинъ знаетъ, что мщеніе есть вещь пріятная; но какимъ образомъ сія повѣсть можешъ заставить Сиръ Дункана склониться въ твою пользу? Это, признаюсь, превосходитъ мое понятіе!—Но можетъ быть ты надѣешся, что онъ упроситъ Маркиза перемѣнить родъ твоей смерти, и вмѣсто отсрочки оной заставитъ тотчасъ колесовать тебя, или предать другой казни, сей подобной?— Будучи на твоемъ мѣстѣ,

Ранальдъ, я лучше сохранилъ бы свою тайну, и не заботясь о Сиръ Дунканѣ, спокойно окончилъ бы жизнь свою, suspendo pede, между небомъ и землею, какъ наши предки."

—„Послушай, иностранецъ," сказалъ Монтаньяръ: „Сиръ Дунканъ Арденворъ имѣлъ четверыхъ дѣтей, трое изъ нихъ пали подъ ударами нашими; но четвертое еще живо, и Сиръ Дунканъ, чтобъ прижать сіе четвертое дитя къ груди своей, вѣрно пожертвуетъ удовольствіемъ терзать сіи старыя кости, которыя сами собою скоро превратятся въ прахъ. Я скажу одно слово,—и день горести и униженія превра-

шится для него въ день радости и благодарности. Ахъ! я знаю это по опыту, — и Кеннетъ единое дитя, у меня оставшееся, которое ловитъ теперь бабочекъ на берегу Авена, — драгоцѣннѣе для моего сердца, нежели десять сыновей, изъ коихъ одни давно уже превратились въ прахъ, между тѣмъ какъ другіе служатъ пищею хищнымъ вранамъ.“

— „Я предполагаю, Ранальдъ,“ сказалъ Далжетти, „что три бѣдняка, коихъ я видѣлъ на рынкѣ, повѣшенныхъ за головы, какъ сушеныхъ сельдей, были тебѣ знакомы?“

Моншаньяръ съ минуту

пребылъ безмолвенъ; но потомъ вскричалъ голосомъ, выражавшимъ глубокую горесть: „они были—дѣти мои, чужестранецъ! . . . мои дѣти! Кровь отъ крови моей,— кость отъ костей моихъ! Легкіе на бѣгу, храбрые въ сраженіяхъ, непобѣдимые — до тѣхъ поръ, пока сыны Діармида не подавили ихъ своимъ множествомъ. Для чего хочу я пережить ихъ? Пусть исторгнутъ старый пень, когда изъ отраслей, заставлявшихъ его гордиться, осталась только одна!... Но нѣтъ, надобно излить въ душу Кеннета жажду мщенія! . . . Пусть орленокъ научится отъ отца своего, какъ овладѣть своею добы-

чею; для него, — для одного его—хочу я искупить жизнь свою и свободу, открывши тайну свою Лерду Арденвору!“

—„Ты скорѣе всего достигнешь цѣли своей, ввѣривши мнѣ сію тайну,“ сказалъ третій голосъ, вмѣшавшись въ разговоръ ихъ.

Всѣ Монтаньяры суевѣрны: —„врагъ рода человѣческаго находится здѣсь!“ вскричалъ Ранальдъ Макъ Ягъ, вскочивши на ноги. Звукъ цѣпей его раздался подъ сводомъ, и онъ отошелъ столь далеко, сколько они позволяли ему, отъ того мѣста, откуда послышался голосъ. — Боязнь его нѣкоторымъ образомъ сообщи-

лась и Маіору Далжеттію, который принялся бормотать на разныхъ языкахъ всевозможныя заклинанія, какія только слыхалъ, не могши вспомнить болѣе одного или двухъ словъ изъ каждаго.

— „In nomine Domini, говаривали мы въ школѣ Марешаля, santisima madre de Dios, говорятъ Испанцы, alle guten geister loben der Herr, сказалъ псалмопѣвецъ въ переводѣ Доктора Лютера..."

— „Прекрати свои заклинанія!" сказалъ голосъ, который они уже слышали; „хотя для васъ и не понятно, какимъ образомъ я здѣсь

очутился, — но я такой же человѣкъ, какъ и вы; — и помощь моя можетъ быть для васъ полезна въ томъ критическомъ положеніи, въ какомъ вы теперь находитесь, если вы не будете столько горды, чтобъ пренебречь моимъ совѣтомъ."

Сказавъ сіи слова, незнакомецъ открылъ глухой фонарь, и при слабомъ свѣтѣ, изливавшемся изъ онаго, Далжетти могъ различить только, что человѣкъ, столь тайнымъ образомъ вошедшій къ нимъ и принявшій участіе въ ихъ разговорѣ, былъ мущина высокаго роста, одѣтый въ ливрею Маркиза. Первое движеніе Маіора было взглянуть ему на ноги;

то онъ не примѣтилъ ни когтей, которые приписываются въ Шотландскихъ житіяхъ святыхъ черному демону, ни лошадиныхъ копытъ, коими отличаютъ его въ Германіи. Первый вопросъ Даджеттія былъ о томъ, какимъ образомъ онъ могъ войти? — „Ибо," сказалъ онъ, „еслибъ ты отворилъ рѣшетку: то мы слышали бы скрыпъ ея наржавыхъ петляхъ; если же ты пролѣзъ сквозь замочную скважину: то, что хочешь говори, а я признаюсь, что ты не можешь быть записанъ въ полку живыхъ людей!"

— „Я сохраню тайну сію," сказалъ незнакомецъ, „до того времени, пока вы не за-

служите, чтобъ я вамъ открылъ оную, сообщивъ мнѣ нѣкоторыя изъ вашихъ тайнъ. Можетъ быть даже я рѣшусь выпустить васъ отсюда чрезъ ту дверь, въ которую самъ вошелъ."

—„Въ такомъ случаѣ это не въ замочную скважину," сказалъ Маіоръ; „ибо чортъ возьми, если ты въ состояніи будешь чрезъ нее меня протащить, хотя бы ты былъ и сущій дьяволъ. Чтожъ касается до тайнъ, то я не имѣю никакихъ, лично до меня касающихся, а также весьма мало и принадлежащихъ другимъ. Но, скажи мнѣ, что ты желаешь знать? Или, какъ говаривалъ намъ Профессоръ въ Аберденской шко-

лѣ Марешаля: *говори, чтобъ я могъ узнать тебя!*"

—„Теперь я не имѣю еще до тебя нужды," возразилъ незнакомецъ, освѣтивши дикія и блѣдныя черты лица и сильные члены Моншанья-ра, который, прислонясь къ стѣнѣ, казалось еще сомнѣвался въ томъ, точно ли имѣлъ человѣкъ, къ нимъ пришедшій, такія же кости и тѣло, какъ онъ.

—„Я принесъ тебѣ пищу, другъ мой!" сказалъ незнакомецъ кроткимъ голосомъ: „если ты завтра долженъ будешь умереть: то по крайней мѣрѣ сегодня не имѣешь причины не жить."

—„Нѣтъ, безъ сомнѣнія, напротивъ," возразилъ Маі-

оръ, и тотчасъ принялся разбирать маленькую корзинку, принесенную незнакомцемъ подъ плащемъ, между тѣмъ какъ Монтаньяръ отъ недовѣрчивости, или отъ презрѣнія не обращалъ вниманія на убѣжденія Далжетти, приглашавшаго его подражать себѣ.

—„Какъ изволишь, товарищь!“ вскричалъ сей послѣдній, убравши огромный кусокъ ветчины, и вооружась тогда бутылкою вина; — „я пью, желая тебѣ лучшаго аппетиту! — Ахъ! да не надобно также забывать и того, который угощаетъ! — Дружокъ! сей другой покалъ я пью за доброе твое намѣ-

реніе; но кстати, братъ, какъ тебя зовутъ?"

—„Мурдохъ Кампбель, сударь," отвѣчалъ слуга, „я лакей Маркиза Аржиля, и иногда исправляю у него должность тюремщика."

—„Хорошо! еще разъ за твое здоровье, братъ Мурдохъ!" сказалъ Даджетти; „ибо въ первый разъ я пилъ противъ правилъ, не зная твоего имени. Кажется, это Калкавельское вино. — По чести, любезный Мурдохъ, я готовъ сказать Маркизу, что ты достоинъ быть главнымъ тюремщикомъ; ибо, кажется, ты знаешь, какъ должно обращаться съ благородными людьми, находящимися въ нещастіи;

но что касается до твоего господина, то можно сказать, что онъ принимаетъ насъ за подлый народъ, давая намъ хлѣбъ и воду; — измѣнникъ! По истиннѣ Мурдохъ, это мало принесло бы чести темницѣ Маркиза!... Но я вижу, ты хочешь поговорить съ другомъ моимъ Ранальдомъ:—не стану вамъ мѣшать, — отойду въ уголъ съ этою корзиною, и ручаюсь, что челюсти мои довольно будутъ производить шуму, чтобъ воспрепятствовать ушамъ моимъ слушать вашъ разговоръ."

Однако же, не взирая на сіе обѣщаніе, Маіоръ слушалъ со всевозможнымъ вниманіемъ; и такъ какъ тем-

ница была узка, то ему не трудно было слышать следующій разговоръ:

—„Знаешь ли ты, сынъ коварщи," сказалъ Мурдохъ, „что ты оставишь темницу сію для того только, чтобъ взойти на висѣлицу?"

—„Тѣ, которые были для меня милѣе всего на свѣтѣ," отвѣчалъ Макъ Ягъ," показали мнѣ туда дорогу!"

—„Не уже ли ты ничего не сдѣлаешь для избѣжанія такой же участи?" спросилъ слуга.

Плѣнникъ потрясъ цѣпями своими, прежде нежели сталъ отвѣчать.

—„Напрóтивъ, я много сдѣлаю," сказалъ наконецъ; „не потому, чтобъ я дорожилъ

жизнію; но для ребенка, скитающагося въ Страш-Авенской долинѣ."

—„И такъ что же ты сдѣлаешь для отвращенія удара, тебѣ грозящаго?" спросилъ опять Мурдохъ: „впрочемъ мнѣ весьма мало нужды до причины, для коей ты хочешь отъ онаго избавиться!"

—„Я сдѣлаю. . . все,—что человѣкъ можетъ сдѣлать, не потерявши права называться человѣкомъ!"

—„Права называться человѣкомъ?" Не уже ли и ты думаешь заслужить это право? —ты, который поступалъ всегда, какъ лютый звѣрь?"

—„Я!" отвѣчалъ Монтаньяръ, „я такой же человѣкъ, какъ и предки мои. До того времени, пока мы наслаждались миромъ — мы были агнцы;—вы насъ лишили онаго,—и называете насъ волками! Возвратите намъ наши хижины, вами сожженныя;—нашихъ дѣтей, вами умерщвленныхъ; — нашихъ женъ, которыхъ вы у насъ похитили!—Соберите на висѣлицахъ,—на зубцахъ стѣнъ вашихъ,—обезображенные трупы и побѣлѣвшіе черепы родныхъ нашихъ;—соедините ихъ!—Прикажите имъ опять жить и благословить насъ: —тогда мы сдѣлаемся вашими подданными, — вашими братьями!—До того же вре-

мени,—пусть смерть,—кровь и мщеніе,—полагають между нами черту непримиримой вражды!“

—„И такъ ты ничего не хочешь сдѣлать для полученія свободы?“

—„Я сдѣлаю все... не требуй только, чтобъ я сдѣлался другомъ твоего племени.“

—„Мы презираемъ дружбу разбойниковъ и грабителей,“ возразилъ Мурдохъ; „и не унизимся до того, чтобъ принять оную. Цѣною твоей свободы я полагаю то, чтобъ ты сказалъ мнѣ, гдѣ находится дочь и наслѣдница рыцаря Арденвора?“

—„Не для того ли, чтобъ вы женили на ней какого-нибудь нищаго родственни-

ка великаго вашего господина?" сказалъ Ранальдъ: „я знаю, что сыны Діармида имѣютъ сей обычай! И теперь еще долина Гленоркійская взываетъ о мщеніи за варварское насиліе, сдѣланное молодой дѣвицѣ, которую родственники вели ко двору своего Государя. Не были ли они принуждены скрыть ее подъ котломъ, вокругъ коего сражались какъ отчаянные, и погибли всѣ даже до послѣдняго—смертью храбрыхъ! А молодая дѣвица не была ли приведена въ сей замокъ и выдана потомъ за мужъ за брата Макъ Каллюмора, потому только, что она была наслѣдница великаго богатства?"

—„Положимъ, что исторія сія справедлива,“ сказалъ Мурдохъ; „но за што эта дѣвица достигла степени знатности, какой не могла бы достигнуть даже и при дворѣ Короля Шотландіи. Однако же это ни мало не относится къ тому предмету о которомъ мы говорили. Дочь Сиръ Дункана Арденвора не чужая для насъ: она происходитъ отъ крови Кампбелей; и кто болѣе имѣетъ права знать объ ея участи, какъ не Макъ Каллюморъ, начальникъ ея племени?“

—„Такъ вопросъ сей ты дѣлаешь мнѣ отъ него?“ спросилъ Ранальдъ.

Слуга сдѣлалъ знакъ согласія наклоненіемъ головы.

—„Не сдѣлаешъ ли онъ какого зла бѣдной сей дѣвицѣ? Ахъ! я самъ много ей онаго причинилъ!"

—„Нималѣйшаго! Клянусь честію!"

—„И въ награду за шо — шы обѣщаешь мнѣ жизнь и свободу?"

—„Въ этомъ мы съ тобою уже условились," отвѣчалъ Мурдохъ.

—„И такъ знай, что дитя, спасенное мною изъ сострадания, въ шо время, какъ мы разграбили замокъ отца ея, было воспитано какъ усыновленная дочь нашего поколѣнія. Но когда мы были побѣждены при проходѣ Баллендушильскомъ воплошившимся дьяволомъ и смер-

тельнымъ врагомъ нашего племени, Аллапомъ Макъ Оламъ, съ окровавленною рукою, и всадниками Леннокса, подъ предводительствомъ наслѣдника Ментеита."

—„То она попала во власть Аллана съ окровавленною рукою, и почиталась за дѣвицу твоего племени?" сказалъ Мурдохъ; и такъ нѣтъ сомнѣнія, что кровь ея пролита, и ты ничего не сказалъ теперь для искупленія твоей жизни?"

—„Если жизнь моя зависитъ отъ ея жизни," сказалъ Ранальдъ: „то мнѣ нечего бояться, но она зависитъ отъ слабой подпоры... отъ вѣроломнаго обѣщанія сына Діармида!"

„Сіе обѣщаніе будетъ въ точности выполнено, если только ты можешь доказать мнѣ, что она еще дышетъ, и если скажешь, гдѣ она теперь находится?"

—„Въ замкѣ Дарнлинварахъ, подъ именемъ Аннеты Лиль. Я объ ней часто слыхалъ отъ своихъ товарищей, которые ходили туда изъ лѣсовъ, изъ коихъ мы были потомъ выгнаны: и не такъ давно я самъ ее видѣлъ."

—„Ты!" сказалъ Мурдохъ съ удивленіемъ, „ты, — начальникъ дѣтей нощи? Неуже ли ты отважился такъ близко подойти къ смертельному врагу твоему?"

—„Сынъ Діармида, я сдѣлалъ гораздо болѣе!" возра-

вилъ плѣнникъ: „я былъ даже на дворѣ замка, переодѣтый въ платье Менестреля, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вонзить кинжалъ въ сердцѣ Макъ Олая съ окровленною рукою, предъ которымъ племя наше трепещетъ, а потомъ покориться жребію, Богомъ мнѣ опредѣленному. Уже держалъ я въ рукѣ своей роковое оружіе, какъ вдругъ увидѣлъ Аннету Лилъ: она играла на арфѣ и пѣла пѣснь дѣтей нощи, которой она научилась у насъ. Гостепріимные вѣтви лѣсовъ, въ которыхъ мы вмѣстѣ обитали, колебались въ сей пѣсни. Я слышалъ тихое журчаніе источниковъ нашей родины,—и мнѣ казалось, что

я опять въ своемъ отечествѣ. Тутъ я не могъ воспротивиться чувству умиленія,—рука моя выпустила кинжалъ, и часъ мщенія прошелъ. Теперь, сынъ Діармида, могу ли я получить свободу?"

—„Такъ," отвѣчалъ Мурдохъ, „если только то, что ты говоришь мнѣ, справедливо?"

—„Боже! будь свидѣтель!" вскричалъ нещастный, „что вѣроломный ищетъ какой-нибудь хитрости для того, чтобъ не сдержать своего слова!"

—„Нѣтъ," прервалъ Мурдохъ, „я исполню свое обѣщаніе, когда увѣрюсь въ томъ, что ты сказалъ истину. Но мнѣ нужно пого-

ворить съ товарищемъ твоего плѣнничества.“

—„Много обѣщаютъ, но ничего не исполняютъ! Вотъ каковы они!“ роптáлъ племянникъ, опять бросившись на полъ темницы.

Въ продолженіи сего времени Маіоръ не упустилъ ни одного слова изъ сего разговора, размышляя самъ съ собою, „что за дьявольщину хочетъ сказать мнѣ этотъ хитрой бездѣльникъ? У меня нѣтъ дѣтей, какъ мнѣ кажется; и я не похищалъ ни одного, объ которомъ могъ бы разсказать ему какую-нибудь исторію. Но, что за нужда, пусть подойдетъ! Онъ не знаетъ еще, съ какимъ старымъ воробьемъ имѣетъ дѣ-

ло! Готовъ поручиться, что ему надобно быть слишкомъ хитрымъ, чтобъ поддѣть Маіора Далжеттія.“

Вознамѣрившись быть осторожнымъ, онъ безъ всякой боязни ожидалъ нападенія; и въ семъ случаѣ подобенъ былъ воину, приготовляющемуся съ копьемъ въ рукѣ защищать проломъ въ стѣнѣ.

—„Вы гражданинъ всего мира, Маіоръ!“ сказалъ Мурдохъ; „и потому вѣрно знаете нашу старую пословицу: en donnant donnant, она употребительна у всѣхъ націй, и говорится на всѣхъ языкахъ.“

—„Слѣдовательно и я оную долженъ знать,“ сказалъ

Даложешти; „ибо, выключая Турокъ, нѣтъ почти ни одного государства въ Европѣ, въ службѣ котораго я бы не находился; — однажды даже пришло мнѣ въ голову прослужить кампанію вмѣстѣ съ Янычарами!“

— „Человѣкъ съ вашей опытностію и не имѣющій предразсудковъ легко можетъ понять меня,“ продолжалъ Мурдокъ; „когда я скажу ему, что для полученія свободы онъ долженъ откровенно и ясно отвѣчать на нѣкоторые неважные вопросы, касающіеся до начальниковъ, оставленныхъ имъ въ Дарнлинварахѣ, ихъ оборонительныхъ приготовленій, — числа солдатъ, и всего того, что

вы знаете о ихъ предпріятіяхъ.“

—„Единственно для того только, чтобъ удовлетворить твое любопытство,“ сказалъ Далжетти, „безъ всякой другой побудительной причины?“

—„Конечно! Какая нужда такому бѣдняку, какъ я, до ихъ плановъ!“

—„Ну! такъ спрашивай,“ продолжалъ Маіоръ, „я буду отвѣчать тебѣ peremtoiré.“

—„Сколько Ирландцевъ идетъ теперь соодиниться съ бунтовщикомъ Жамесомъ Грагамомъ?“

—„Около десяти тысячъ, сказалъ Міоръ.

—„Около десяти тысячь!“ вскричалъ Мурдохъ съ бѣ-

шенствомъ;—„мы знаемъ навѣрное, что и двухъ тысячь не высажено въ Арднамурханской гавани?"

—„Если такъ, — такъ ты болѣе моего объ этомъ знаешь!" отвѣчалъ Далжетти съ величайшимъ хладнокровіемъ, „я еще не дѣлалъ имъ смотру, и даже не видалъ ихъ подъ ружьемъ!"

—„А сколько, думаете вы, начальники племенъ выставятъ солдатъ?" спросилъ Мурдохъ.

—„Сколько будутъ въ состояніи," возразилъ Маіоръ.

—„Вы отдаляетесь отъ вопроса, государь мой!" сказалъ Мурдохъ, „говорите яснѣе: будетъ ли ихъ всѣхъ пять тысячь человѣкъ?"

—„Да, болѣе или менѣе,“ отвѣчалъ Далжетти.

—„Знаете ли вы, что, отвѣчая такимъ образомъ, подвергаете опасности жизнь свою?“ прервалъ вопрошавшій: „мнѣ стоитъ только свиснуть, и чрезъ десять минутъ голова ваша повѣшена будетъ на подъемномъ мосту.“

—„Но—скажу тебѣ откровенно, Г. Мурдохъ,“ сказалъ Маіоръ, „не уже ли ты думаешь, что благоразумно спрашивать у меня тайны нашей арміи, когда я нанялся служить въ ней цѣлую кампанію? Если я скажу тебѣ средства, какъ побѣдить Монтроза: то куда денется тогда мое жалованье, слѣ-

дующія мнѣ недоимки, и часть изъ добычи?"

—„Я говорю вамъ," возразилъ Мурдохъ, „что если вы будете упрямиться, и не прямо станете отвѣчать на мои вопросы: то кампанія ваша будетъ непродолжительна, и плаха, видѣнная вами у воротъ замка, готовая для казни шпіоновъ и измѣнниковъ, отмститъ вамъ за вашу противъ меня дерзость; но если вы съ вѣрностію будете отвѣчать мнѣ на мои вопросы: то я приму васъ въ мою... въ службу Макъ Каллюмора."

—„Хорошо ли онъ платитъ своимъ Офицерамъ?" спросилъ Маіоръ.

—„Онъ удвоитъ ваше жа-

дованье, если вы захотите возвратиться къ Монтрозу, и сдѣлать то, что Маркизъ вамъ скажетъ."

—„Тьфу къ чорту! досадно же, что я прежде не видалъ тебя и не нанялся къ нему," сказалъ Далжетти, притворясь размышляющимъ.

—„Напротивъ," сказалъ Мурдохъ, „я могу теперь предложить вамъ гораздо выгоднѣйшія условія, въ томъ предположеніи, что вы будете вѣрны."

—„Вѣренъ? то есть вашей сторонѣ; но измѣнникъ противъ Монтроза?"

—„Вѣрны сторонѣ, исповѣдающей истинную религію и содержащей добрый поря-

докъ, которая сдѣлаетъ честными всѣ хитрости какія вы употребите, чтобы услужить ей," отвѣчалъ вопроситель.

—„А Маркизъ Аржиль. . . еслибъ я вознамѣрился войти въ его службу, добрый ли онъ Начальникъ?"

—„Нѣтъ на свѣтѣ лучшаго."

—„Щедръ ли онъ въ разсужденіи своихъ Офицеровъ?"

—„Кошелекъ его открытъ для нихъ."

—„Искрененъ ли онъ, и вѣренъ ли въ исполненіи своихъ обѣщаній?"

—„Онъ самый честнѣйшій изъ Шотландцевъ, такъ какъ и самый главный изъ нихъ."

—„Вотъ право въ первый

разъ я слышу объ немъ столько добраго!" сказалъ Далжетти, „надобно думать, что ты ему другъ, или лучше сказать, самъ Маркизъ! —Маркизъ Аржиль!" присовокупилъ онъ, бросившись вдругъ на переодѣтаго Лорда, „я арестую васъ, именемъ Короля Карла, какъ измѣнника! Если придетъ вамъ въ голову позвать на помощь: то я безъ милосердія сломлю вамъ шею: и такъ остерегитесь!"

Нападеніе Далжеттія на Аржиля было столь внезапно и неожиданно, что онъ безъ труда повалилъ его на землю, и ставъ однимъ колѣномъ на грудь, держалъ одною рукою, между тѣмъ какъ другою,

сжавши шею Маркиза, готовъ былъ удавить при малѣйшемъ движеніи, какое сей послѣдній покусился бы сдѣлать.

—„Маркизъ Аржиль!" присовокупилъ Далжетти, „теперь моя очередь предлагать вамъ условія капитуляціи:—если вы согласитесь показать мнѣ потаенную дверь, въ которую вошли: то я дарую вамъ жизнь, съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы были моимъ locum tenens, какъ мы говаривали въ школѣ Марешаля, то есть, чтобъ вы заступили мое мѣсто до того времени, пока вашъ тюремщикъ не придетъ посѣтить своихъ плѣнниковъ; въ противномъ же случаѣ я начну тѣмъ, что удавлю

васъ:—(я знаю къ тому способъ, потому что выучился оному у одного Поляка, бывшаго невольникомъ въ Отшоманскомъ сералѣ), а потомъ, лишивши васъ жизни, поищу какого-нибудь средства бѣжать отсюда."

—„Измѣнникъ! ты позабылъ, что я приходилъ сюда для того, чтобы спасти тебя. Не уже ли ты погубишь меня за мою доброту?" бормоталъ Аржилъ слабымъ голосомъ.

—„Не за доброту вашу, Милордъ," возразилъ Далжетти, „но во первыхъ для того, чтобъ научить Ваше Сіятельство соблюдать jus gentium, въ разсужденіи ры-

царей, приходящихъ къ вамъ съ посольствомъ, подъ покровительствомъ пропускной грамоты; а во вторыхъ, чтобы предупредить васъ объ опасности, какой подвергаетесь, дѣлая безчестныя предложенія храброму воину съ тѣмъ, чтобъ заставить его измѣнить людямъ, которые платятъ ему во все продолженіе его у нихъ службы!"

—„Пощади жизнь мою," сказалъ Аржиль, „и я сдѣлаю все, чего ты не потребуешь."

Но Далжетти продолжалъ держать Маркиза за горло, сжимая ему оное покрѣпче, когда дѣлалъ вопросы, и потомъ, оставляя ему степень

дыханія, необходимо нужную для того, чтобъ ему можно было отвѣчать на оные.

—„Гдѣ потаенная дверь сей темницы?" спросилъ онъ.

—„Подымите фонарь къ углу комнаты, на правой рукѣ; тамъ увидите желѣзо, прикрывающее пружину."

—„Хорошо. Куда ведетъ эта дверь?"

—„Въ тайный мой кабинетъ позади обоевъ."

—„А оттуда — какимъ образомъ достигну я воротъ замка?"

—„Прошедши чрезъ большой корридоръ, переднюю, караульню. . ."

—„Тамъ вездѣ слуги, солдаты, часовые! Нѣтъ, нѣтъ, Милордъ! этого мнѣ не на-

добно! Нѣтъ ли другаго какого тайнаго прохода, ведущаго къ воротамъ, подобнаго сей потаенной двери, въ которую вы вошли въ темницу? Я видалъ такіе проходы въ Германіи.“

—„Есть,“ сказалъ Маркизъ, „онъ ведетъ изъ моего кабинета въ церковь, а потомъ къ самымъ воротамъ замка. Но — если вы хотите повѣрить честному моему слову: то я самъ васъ провожу туда, и дамъ вамъ паспортъ, который избавитъ васъ отъ такихъ затрудненій.“

—„Постойте на часъ, Милордъ, сдѣлайте одолженіе. Можетъ статься я и согласился бы, по добротѣ сердца, ввѣриться вамъ, если бы

на шеѣ вашей не было уже признаковъ отъ моихъ пальцевъ; но теперь, beso las manos à usted, какъ говорятъ Испанцы! Однако же вы можете дать мнѣ паспортъ, потому что это будетъ гораздо лучше, и я весьма вамъ благодаренъ, что вы мнѣ о томъ напомнили. Если перья и чернила въ вашей комнатѣ?"

—„Безъ сомнѣнія, а также и бланкеты, которые мнѣ стоитъ только подписать. Я сей часъ готовъ за вами туда идти."

—„Идти за мною! Нѣтъ, нѣтъ, слишкомъ много будетъ для меня чести. Ваше Превосходительство оста-

нетесь подъ охраненіемъ честнаго друга моего Ранальда Макъ Яга. И такъ позвольте мнѣ дотащить васъ, чтобъ его цѣпь позволила ему васъ достать. Честной Ранальдъ! ты видишь теперь, до чего дошло у насъ дѣло. Я найду способъ, не сомнѣвайся въ томъ,—возвратить тебѣ свободу. Во ожиданіи же сего постереги Милорда Постой,—я покажу тебѣ, какъ должно за это взяться! — Стань колѣномъ на грудь Маркиза. — Вотъ, точно такъ! — Теперь положи правую руку твою на шею сего великаго и могущественнаго Принца,—подъ ворошникъ его: видишь ли вотъ такимъ образомъ; — и

если онъ вздумаетъ закричать, — если сдѣлаетъ хотя одно движеніе: то, любезный другъ Ранальдъ, пожми его посильнѣе:—хотя бы это было ad deliquium, то есть— до того, Ранальдъ, чтобъ онъ упалъ въ обморокъ. — Тутъ не будетъ ничего дурнаго, потому, другъ мой, что онъ еще худшее для насъ готовилъ."

—„Если онъ сдѣлаетъ хотя одну мину, что хочетъ говорить, или противиться," сказалъ Ранальдъ, „то умретъ отъ руки моей!"

—„Такъ, товарищъ, не выпускай же его изъ рукъ!"

Далжетти подавилъ пружину, показанную ему Маркизомъ, и потаенная дверь

въ ту же минуту отворилась. Петли оной столь хорошо были полированы и столь тщательно намазаны масломъ, что, отворяясь, онѣ не производили ни малѣйшаго шуму. Желѣзные запоры и многіе замки запирали снаружи дверь сію, а въ проходѣ повѣшены были три ключа, кои, казалось, назначены были для отпиранія замковъ у цѣпей, надѣваемыхъ на плѣнниковъ. Узкая лѣстница, высѣченная въ толстой стѣнѣ замка, вела, какъ Маркизъ сказалъ ему, позади обоевъ въ кабинетъ его. Такія сообщенія были весьма обыкновенны въ старинныхъ крѣпостяхъ, потому что они доставляли

господину замка средства подслушивать, подобно ширану Діонисію, разговоры плѣнниковъ, или даже, если онъ хотѣлъ, посѣщать ихъ переодѣвшись; но такой опытъ имѣлъ на сей разъ весьма неблагопріятныя слѣдствія для Макъ Каллюмора.

Посмотрѣвши, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, Маіоръ вошелъ туда; схватилъ поспѣшно одинъ изъ бланкетовъ, лежавшихъ на столѣ; взялъ перьевъ и чернилицу; отвязалъ отъ занавѣса большой шелковой снурокъ, и завладѣвши кинжаломъ Маркиза, сошелъ тотчасъ въ подземелье. Тамъ, остановясь на минуту у дверей, услы-

шалъ задыхающійся голосъ Маркиза, дѣлавшаго великія обѣщанія Макъ Ягу, если сей послѣдній позволитъ ему позвашь къ себѣ на помощь.

—„Хошя бы шы обѣщалъ мнѣ цѣлый лѣсъ дикихъ козъ,“ ошвѣчалъ Моктаньяръ, „самыя прекраснѣйшія сшада, даже всѣ земли, призиающія господиномъ своимъ сына Діармидова, и шогда я не преступлю слова, даннаго мною храброму воину въ желѣзной бронѣ.“

— „Прекрасный ошвѣшъ, шоварищь,“ сказалъ Далжешши, вошедши къ нимъ, „храбрый воинъ въ желѣзной бронѣ, шакже не обманешъ въ шомъ, чшо обѣщалъ. Но не засшавимъ долго дожи-

даться благороднаго Маркиза. Сначала надобно ему будетъ написать на этомъ паспортѣ имена Маіора Дюгальда Далжеттія и его провожатаго, или я самъ дамъ ему паспортъ на тотъ свѣтъ!"

Маркизъ писалъ при свѣтѣ глухаго фонаря все то, что Маіоръ ему диктовалъ.

—„Теперь, Ранальдъ, скинь съ себя, другъ мой, плащь; — я хочу нарядить въ него Макъ Каллюмора, и сдѣлать его на время сыномъ нощи. О, Милордъ! чтобы вы ни говорили; но непремѣнно надобно вамъ закутать голову, такъ чтобъ вы были не въ состояніи кричать. Вотъ —хорошо! теперь лице до-

вольно хорошо закрыто! Опустите руки, или, клянусь вамъ своею бородою, что вонжу вамъ собственный кинжалъ, вамъ въ сердцѣ! Вы видите, что я имѣю всевозможное уваженіе къ вашему достоинству, и потому постарался снабдить себя даже симъ прекраснымъ шелковымъ свуркомъ, для того, чтобъ связать имъ Ваше Сіятельство. —

—Ну — вотъ теперь все кончено! — Вы можете дождаться, чтобъ кто-нибудь пришелъ къ вамъ на помощь. Если, братъ Ранальдъ, онъ заказалъ обѣдъ нашъ къ вечеру: то тѣмъ хуже для него, ибо онъ самъ отъ того потерпитъ! Въ которомъ

часу приходишъ сюда тюремщикъ—товарищь?"

—„Не прежде захожденія солнца," сказалъ Макъ Ягъ.

—„Въ такомъ случаѣ, другъ мой, мы будемъ впереди тремя часами," сказалъ осторожный Маіоръ: „пойдемъ скорѣе искать свободы!"

—„Первое стараніе его было осмотрѣть цѣпь Ранальда. Онъ отперъ ее однимъ изъ ключей, висѣвшихъ за потаенною дверью, безъ сомнѣнія для того, чтобъ Маркизъ могъ, по желанію своему, дать свободу плѣннику, или перевесть его въ какое другое мѣсто, не имѣя нужды призывать тюремщика. Монтаньяръ разпростеръ онѣмѣвшія руки свои

и вспрыгнулъ отъ радости, что получилъ свободу.

—„Надѣнь на себя ливрею нашего знатнаго плѣнника, и слѣдуй за мною,“ сказалъ ему Маіоръ.

Ранальдъ повиновался. Они вышли; — заперли за собою дверь замками и желѣзными запорами, — взошли на потаенную лѣстницу, и безъ всякой опасности достигли кабинета Маркиза.

ГЛАВА XV.

„Le chemin m'est ouvert... mais où pourrai-je fuir?...
„Qu'importe? Quand sur terre on est sûr de périr,
„On peut sur l'Océan, sans carte ni boussole,
„Confier son destin a la moindre gondole."

Tragédie de Brennovalt.

—„Ищи тайнаго прохода, ведущаго въ церковь, Ранальдъ," сказалъ Далжетти; „между тѣмъ, какъ я посмотрю, что въ этомъ бюро."

Сказавъ сіе, одною рукою онъ схватилъ связку самыхъ

важныхъ бумагъ Аржиля, а другою кошелекъ, полный золота, который лежалъ въ одномъ изъ открытыхъ ящиковъ, въ самомъ приманчивомъ положеніи.

—„Извѣстія и добыча," сказалъ Маіоръ, кладя и то и другое въ свои карманы: „есть самыя главныя вещи, какія всякой храбрый рыцарь долженъ стараться получить: первое для своего Генерала; второе же для самаго себя!" Онъ постарался также завладѣть шпагою, пистолетами и рожкомъ съ порохомъ, висѣвшими надъ бюро.

—„По чести," примолвилъ онъ, „этотъ клинокъ, да и пистолеты гораздо лучше

моихъ. Сдѣлать обмѣнъ не значитъ украсть, и Лордъ Аржиль узнаетъ, что ненаказанно шутить съ благородными людьми, — не льзя. Но что я вижу? — Ранальдъ, Ранальдъ! куда ты бѣжишь?"

И въ самомъ дѣлѣ онъ во время оставилъ Макъ Яга; ибо, не находя потаенной двери и нетерпѣливо желая вырваться изъ замка, Моншаньяръ схватилъ саблю и щитъ, и хотѣлъ войти въ большую галлерею, съ намѣреніемъ открытою силою пробиться.

—„Стой! если жизнь тебѣ дорога," сказалъ ему Далжетти, схвативъ его за плечо. „Мы должны спасаться, если возможно, безъ бою;

въ прошивномъ же случаѣ — мы погибли! — И такъ прежде всего начнемъ тѣмъ, что запремъ дверь сію, чтобъ подумали, будто бъ Макъ Каллюморъ не хочетъ, чтобъ кто ему помѣшалъ. Теперь моя очередь дѣлать открытія, и посмотрѣть, гдѣ находится сказанный выходъ.“

Посмотрѣвши позади обоевъ въ разныхъ мѣстахъ, Маіору удалось наконецъ открыть потаенную дверь, ведшую въ излучистый корридоръ, въ концѣ коего была другая дверь, которая безъ сомнѣнія вела въ церковь. Но сколь велико было его удивленіе, когда, достигши конца корридора, услышалъ громкій голосъ Священ-

ника, говорившаго проповѣдь.

— „Такъ для этого-то,“ сказалъ онъ, „проклятый измѣнникъ назначилъ намъ этотъ выходъ! Я не знаю, что меня удерживаетъ теперь же возвратиться, чтобъ перерѣзать ему горло!“

Тутъ онъ тихонько отворилъ дверь, ведущую въ ложу, которая изъ церкви заперта была рѣшеткою и приготовлена для Маркиза. Занавѣси оной были опущены, можетъ быть для того, чтобъ заставить думать, будто Маркизъ присутствуетъ при божественной службѣ, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Въ ложѣ ни-

кого не было; ибо такова была строгость тогдашнихъ этикетовъ, что фамилія Маркиза въ продолженіи службы занимала другую ложу, находившуюся нѣскокько пониже ложи сего знатнаго человѣка. Увѣрившись, что въ ней никого не было, Капитанъ осмѣлился войти туда съ своимъ товарищемъ, заперши тщательно за собою дверь.

Никогда... (хотя кажется я и много на себя беру) никогда, ни какая проповѣдь не была слушана съ большимъ нетерпѣніемъ и съ меньшимъ назиданіемъ, по крайней мѣрѣ со стороны двухъ членовъ собранія. Маіоръ постепенно лишался терпѣнія, —слушалъ,

—ожидалъ конца, и приходилъ въ отчаяніе. Проповѣдникъ же, какъ нарочно, находилъ особенное для себя удовольствіе продолжать его мученіе; ибо онъ болѣе шести разъ сдѣлалъ заключеніе, прежде нежели сошелъ съ кафедры. Но никто не можетъ вѣчно проповѣдывать; и пастырь также умомъ, сдѣлавши низкой поклонъ въ ту сторону, гдѣ была ложа Маркиза, не подозрѣвая, кому отдавалъ такую почесть.

Если судить по поспѣшности, съ какою всѣ разошлись: то слуги Маркиза были не менѣе Маіора обрадованы, видя конецъ сей безконечной проповѣди. Прав-

да, что большою частію тутъ находились Монтаньяры, которыхъ можно было извинить тѣмъ, что они ни одного слова не понимали изъ сказаннаго проповѣдникомъ. Не взирая на то, что ежедневно присутствовали при его наставленіяхъ по особенному приказанію Макъ Каллюмора; но они тоже бы сдѣлали, еслибъ тутъ былъ и Турецкой иманъ.

Но — хотя правовѣрные всѣ разошлись, однако же Священникъ остался въ церкви, и расхаживая взадъ и впередъ, казалось, размышлялъ о сказанномъ имъ, или приготовлялъ новую проповѣдь. Не взирая на свою смѣлость, Далжетти не зналъ, что ему

дѣлать. Однако же каждая минута была дорога, тюремщикъ могъ войти въ темницу ранѣе обыкновеннаго, и тогда бы они погибли. Наконецъ онъ рѣшился, сказалъ тихонько Раяальду, наблюдавшему всѣ его движенія, за собою слѣдовать, и стараться какъ можно не измѣнить себѣ, а потомъ принялся сходить съ важнымъ видомъ съ лѣстницы, которая изъ галлереи вела въ самую церковь.

Неопытный новичекъ покусился бы быстро пройти позади достопочтеннаго проповѣдника, въ надеждѣ уйти, не будучи имъ примѣченнымъ. Но Маіоръ, видя явную опасность, если сіе предпріятіе

которою вы изволили почтить насъ."

—„Я совсѣмъ и не замѣтилъ, государь мой, чтобъ вы были въ церкви," отвѣчалъ Священникъ.

—„Его Превосходительство — Маркизъ, удостоилъ предложить мнѣ мѣсто въ особенной своей ложѣ," продолжалъ Маіоръ съ скромностію. При сихъ словахъ Священникъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ; ибо зналъ, что такая особенная почесть оказываема была Маркизомъ только самымъ знатнымъ особамъ.

—„Въ странствующемъ родѣ жизни, которую я велъ," присовокупилъ Капитанъ, „я слыхалъ многихъ проповѣд-

никовъ различныхъ исповѣданій, Люшеранъ, Кашоликовъ, Калвинисшовъ и шысячу другихъ; но никогда не слыхалъ ни одной проповѣди, кошорая бы могла сравнишься съ вашею."

—„Скажише лучше поученіе, достойный господинъ," сказалъ Священникъ, „шаково возраженіе нашей церкви!"

—„Поученіе ли, или проповѣдь — шолько это было превосходно! И я не хошѣлъ уѣхашь, не выразивши вамъ глубокаго чувсшва, какое она засшавила меня ощушишь; и въ шо же время, не изъявивъ вамъ моего разкаянія въ шомъ, что во время вчерашняго обѣда, кажешся,

нарушилъ нѣсколько почтеніе, должное такой особѣ, какъ вы!“

—„Увы! любезнѣйтій господинъ!“ сказалъ Священникъ, „мы встрѣчаемся другъ съ другомъ въ семъ мірѣ, какъ въ юдоли мрака, совсѣмъ не зная, съ кѣмъ случай насъ сводитъ; и потому не удивительно, если мы толкаемъ иногда такихъ людей, которымъ бы — еслибъ мы ихъ знали—изъявили бы только одно почтеніе. Я самъ, милостивый государь, принялъ бы васъ за закоренѣлаго грѣшника скорѣе, нежели за человѣка, исполненнаго набожности и благочестія, почитающаго Господа

даже въ послѣднемъ изъ его служителей.“

—„У меня всегда такое обыкновеніе,“ сказалъ Далжетти; „ибо, находясь въ службѣ безсмертнаго Густава. . . Но я прерываю ваши размышленія,“ сказалъ онъ опомнясь, потому что на сей разъ желаніе говорить о Королѣ Швеціи уступило необходимости случая.

—„Ни сколько, милостивый государь,“ подхватилъ Священникъ; „что вы хотѣли сказать, прошу васъ, о семъ великомъ Государѣ, коего память столь драгоцѣнна для всякаго Протестанта?“

—„По его приказу, отецъ мой! каждое утро и каждый вечеръ барабанный бой при-

зывалъ на молитву, столь же регулярно, какъ и на разводъ; и если солдатъ, проходя мимо Священника, ему не поклонится: то его на цѣлый часъ сажали на деревянную лошадь; но, отецъ мой! къ сожалѣнію моему, я принужденъ васъ оставить,— Г. Маркизъ Аржиль далъ мнѣ сей часъ паспортъ, и я долженъ сію же минуту ѣхать для исполненія важнаго порученія. И такъ желаю вамъ добраго вечера!"

—„Постойте на минуту, милостивый государь!" сказалъ проповѣдникъ: „не могу ли я чего-нибудь сдѣлать для извлеченія моего высокаго почитанія воспитаннику великаго Густава, кото-

рый столь справедливо судишь о богословскомъ краснорѣчіи?"

—„Ничего, отецъ мой!" сказалъ Маіоръ, „развѣ только покажешь мнѣ кратчайшій путь къ воротамъ замка; и если смѣю просить васъ," примолвилъ онъ съ величайшею наглостію, „скажите какому-нибудь слугѣ, чтобъ привели туда мою лошадь, я весьма много буду вамъ за сіе обязанъ; ибо совсѣмъ не знаю, гдѣ находятся конюшни; а проводникъ мой," присовокупилъ онъ, смотря на Ранальда, „ни слова не знаетъ по Англійски: это темно-гнѣдая лошадь, — стоитъ только назвать ее Густавомъ — и вы увидите, что

она тотчасъ подыметъ уши."

— „Я сію минуту пойду исполнить вашу просьбу," сказалъ Священникъ, „а дверь сія приведетъ васъ на дворъ."

— „Слава Богу, что ты тщеславенъ!" подумалъ Маіоръ: „я весьма боялся, что принужденъ буду ѣхать безъ своего Густава!"

Въ самомъ дѣлѣ, проповѣдникъ столь поспѣшно исполнилъ обѣщаніе свое просвѣщенному судьѣ духовнаго краснорѣчія, что пока Далжетти остановился переговорить съ часовыми, охранявшими подъемный мостъ, и показывалъ имъ свой паспортъ, одинъ слуга привелъ ему лошадь совсѣмъ осѣд-

ланную и готовую для путешествія.

Во всякомъ другомъ мѣстѣ, Маіоръ, показавшись вдругъ на свободѣ, будучи прежде публично отосланъ въ темницу, могъ бы возбудить подозрѣнія, которыя довели бы до открытія истины; но Офицеры и слуги Маркиза привыкли уже къ таинственной политикѣ своего начальника; и потому предположили, что Далжетти освобожденъ, и что ему дано какое-нибудь тайное порученіе самимъ Макъ Каллюморомъ. Въ сихъ мысляхъ, которыя видъ паспорта дѣлалъ еще вѣроятнѣе, они свободно пропустили его,

шакъ какъ и его провожашаго.

Далжетти медленно проѣхалъ городъ Инверрари, въ сопровожденіи Ранальда, слѣдовавшаго за нимъ пѣшкомъ, подобно пажу. Поровнявшись съ висѣлицею, старикъ взглянулъ на трупы и всплеснулъ руками. Взоръ и движеніе были мгновенны; но они выражали самую величайшую горесть. Онъ преодолѣлъ ее въ шу же минушу, и мимоходомъ сказалъ нѣсколько словъ одной изъ женщинъ, которыя охраняли и оплакивали сихъ жертвъ феодальнаго варварства. При звукѣ его голоса, женщина сія затрепетала; но тотчасъ, опомнясь, отвѣчала

ему легкимъ наклоненіемъ головы.

Выѣхавши изъ города, Далжешти не зналъ, сѣсть ли ему въ лодку и переплыть озеро, или бѣжать въ лѣса и тамъ скрываться. Въ первомъ случаѣ онъ подвергалъ себя неизбѣжному преслѣдованію шлюбокъ Маркиза, которыя готовы были поднять паруса; ибо длинныя ихъ райны обращены были по направленію вѣтра. Какъ можно было надѣяться, чтобъ простая рыбачья лодка могла ихъ избѣгнуть? Во второмъ же случаѣ онъ подвергался опасности, заблудиться и умереть съ голоду въ сихъ дикихъ и неизвѣстныхъ пустыняхъ: сей жребій столь

же былъ жестокъ, какъ быть повѣшеннымъ, или казненнымъ.

Городъ былъ уже позади его, а онъ не зналъ еще на что рѣшиться, и въ которой сторонѣ искать своего спасенія. Маіоръ начиналъ думать, что, бѣжавши изъ темницы, исполнилъ только самую легчайшую часть гибельнаго своего предпріятія. Если когда-либо попадется онъ въ руки Маркиза, то жребій его теперь былъ извѣстенъ; ибо не учтивое обращеніе его съ столь могущественнымъ и мстительнымъ человѣкомъ, и личное оскорбленіе, которое онъ ему сдѣлалъ, были такія обиды, кои могли быть загла-

жены только его смертію. Между тѣмъ какъ Маіоръ предавался симъ не веселымъ мыслямъ и осматривался вокругъ себя съ видомъ, ясно выражавшимъ его нерѣшимость, Ранальдъ Магъ Ягъ вдругъ спросилъ его: по какой дорогѣ намѣревался онъ ѣхать?

—,,По чести, товарищь,“ сказалъ Далжетти, ,,это такой вопросъ, на который я совсѣмъ не могу отвѣчать, и начинаю думать, Ранальдъ, что мы бы гораздо лучше сдѣлали, еслибъ стали довольствоваться чернымъ хлѣбомъ и кружкою воды въ нашей темницѣ, до прибытія Сиръ Дункана, который для чести своей не могъ бы не

поговоришь нѣсколько въ мою пользу.“

—„Саксонъ!“ сказалъ Макъ Ягъ, „не сожалѣй о шомъ, что ядовишый воздухъ шемницы перемѣнилъ шы на чистый и сладостный воздухъ свободы; но болѣе всего не раскаявайся, что оказалъ услугу одному изъ сыновъ нощи. Возьми меня себѣ въ провожашые; — ошдайся на мои руки: я головою ошвѣчаю за швою безопасносшь.“

—„Можешь ли шы провесши меня чрезъ эшѣ горы, съ шѣмъ, чшобъ мы могли избѣгнушь опасносши бышь преслѣдуемыми; и можешь ли пошомъ досшавишь мнѣ средсшва соединишься съ арміею Моншроза?“

—„Могу,“ сказалъ Монтаньяръ, „никто лучше дѣтей нощи не знаетъ ни ущелій горъ, ни пещеръ, ни кустарниковъ, ни пропастей. Мы не живемъ на берегахъ озеръ или рѣкъ; — посредя плодоносныхъ и обработанныхъ долинъ;—но неприступные утесы, — мрачные вершены или ущелія, изъ коихъ низвергаются источники: вотъ наши жилища, — наши убѣжища! Всѣ стаи гончихъ Аржиля не возмогутъ открыть слѣдовъ нашихъ въ тѣхъ почти непроходимыхъ тропинкахъ, которыми я хочу провести тебя.“

—„Не уже ли, милый мой Ранальдъ?“ возразилъ Дал-

жетши: „ну! чтожъ? будь моимъ провожатымъ, ибо если мнѣ придетъ въ голову быть кормчимъ: то, чортъ возьми, если наша лодка когда-нибудь достигнетъ гавани!“

Монтаньяръ, сопровождаемый Маіоромъ, тотчасъ пустился въ лѣса, окружавшіе замокъ на нѣсколько миль. Онъ шелъ съ такою поспѣшностію, что Густавъ галопомъ съ трудомъ могъ за нимъ слѣдовать; и столь часто перемѣнялъ дорогу, — столь многія избиралъ тропинки, однѣ другія пересѣкавшія, что вскорѣ Маіоръ совершенно пришелъ въ замѣшательство. До сего времени онъ все не терялъ ду-

ха, хотя дорога становилась часъ отъ часу непроходимѣе и труднѣе; но вдругъ тропинка изчезла, и онъ увидѣлъ себя окруженнымъ только кустарниками и хворостникомъ. Шумъ водопада, съ трескомъ низпадавшаго во глубину бездны, одинъ только возмущалъ тишину сей дикой пустыни, и, казалось, что далѣе не возможно было проѣхать.

—„Куда жъ ты къ чорту ведешь меня, товарищь?“ вскричалъ Далжетти: „не уже ли ты отважишься запутаться въ сихъ кустарникахъ, или низвергнуться во глубину этой пропасти? Но въ обоихъ случаяхъ что

станется съ бѣднымъ моимъ Густавомъ?“

—„Не заботься о твоей лошади,“ сказалъ Монтаньяръ, „она скоро будетъ тебѣ возвращена!“ При сихъ словахъ онъ свиснулъ, и полунагой мальчикъ лѣтъ шестнадцати, коего длинные и кудрявые волосы завязаны были кожанымъ ремнемъ, и упадая на лице его, могли защищать его отъ солнца,— выползъ — подобно дикому звѣрю—изъ средины терновыхъ кустовъ. Онъ былъ сухощавъ и блѣденъ, и большіе сѣрые его глаза, выражавшіе злобу, казалось, занимали вдвое большее мѣсто, нежели какое они обык-

новенно занимаютъ въ человѣческомъ лицѣ.

— „Отдай ему свою лошадь!" сказалъ Ранальдъ Маіору, „жизнь твоя отъ того зависитъ!"

—„Увы!" вскричалъ отчаянный Далжетти: eheu, говаривали мы въ школѣ Марешаля; не уже ли же въ такихъ рукахъ долженъ я оставить моего Густава?"

—„Какъ ты безуменъ, теряя такія драгоцѣнныя минуты!" сказалъ ему его проводникъ: „не уже ли мы находимся теперь въ гостепріимной землѣ, внѣ всякой опасности, что ты съ такою же трудностію разстаешься съ твоею лошадью, какъ будто бы съ роднымъ

братомъ! Я говорю тебѣ, что ты ее увидишь. Но еслибъ даже она и никогда не была возвращена тебѣ: то жизнь не въ тысячу ли разъ драгоцѣннѣе самаго прекраснаго жеребца, какого кобыла можетъ родить?"

—„Безъ сомнѣнія жизнь чего нибудь стоитъ, честный другъ мой!" сказалъ Далжешти вздыхая: но однако же, еслибъ ты зналъ всю цѣну Густава, еслибъ зналъ все то, что мы съ нимъ вмѣстѣ совершили, что мы вмѣстѣ претерпѣли!... Посмотри! вотъ онъ оглянулся и смотритъ на меня!... Сдѣлай одолженіе, мальчикъ, постарайся объ немъ, я тебѣ за это хорошо заплачу."

Сказавъ сіе, онъ отвратилъ глаза отъ столь горестнаго зрѣлища, и насвистывая маршъ, чтобъ разсѣять грусть свою, спѣшилъ слѣдовать за Ранальдомъ.

Но слѣдовать за Ранальдомъ—было не слишкомъ легкое дѣло, потому что для этого надлежало быть гораздо проворнѣе, нежели каковъ былъ нашъ Маіоръ. Едва только сошелъ онъ съ лошади, какъ проходя по краю одной пропасти, оступился и немного не потерялъ равновѣсія. Онъ безъ сомнѣнія упалъ бы во глубину бездны и тѣмъ навсегда избавился бы отъ преслѣдованій Аржиля, еслибъ нѣсколько спасительныхъ кустарниковъ къ

щастію не остановили его среди быстраго паденія, которому онъ было подвергся. Тутъ сынъ нощи подоспѣлъ къ нему на помощь и избавилъ его отъ замѣшательства. Но это было еще только началомъ новыхъ нещастій! Каждую минуту они должны были перелѣзать огромные утесы; продираться сквозь сучья деревъ и терновые кустарники; съ большею трудностію взбираться на крутыя горы, съ коихъ потомъ еще труднѣе было сходить; наконецъ они должны были превозмогать тысячи препятствій, на каждомъ шагу имъ встрѣчавшихся. Проворный Монтаньяръ, казалось, не обращалъ на то ника-

кого вниманія и преодолѣвалъ ихъ съ такою легкостію, которая возбуждала вмѣстѣ и удивленіе и зависть въ Далжеттіи; ибо онъ не такъ-то былъ щастливъ. Отягченный шлемомъ своимъ и бронею; не говоря уже о тяжелыхъ ботфортахъ, которыя главнѣйше затрудняли его шествіе, онъ вскорѣ до такой степени усталъ, что принужденъ былъ сѣсть на камень, чтобъ перевести духъ. Въ это время онъ сталъ изъяснять Ранальду Макъ Ягу различіе въ путешествіи expeditus и въ путешествіи impeditus: два военные термина, коихъ справедливость и ясность Профессоръ давалъ

ему часто замѣчать въ школѣ Марешаля въ Абердень.

Моншаньяръ, вмѣсто отвѣта, ударилъ Далжеттія слегка по плечу, и простерши руки противъ вѣтра, казалось, хотѣлъ обратить вниманіе его въ ту сторону, откуда онъ дулъ; Далжетти, взглянувъ туда, но ничего не могъ видѣть; ибо день клонился уже къ вечеру:—въ то же мгновеніе послышался явственно отдаленный звукъ колокола.

—„Что за дьявольщина! Мнѣ кажется, бьютъ въ набатъ?" сказалъ Маіоръ: Der sturm! говорятъ Нѣмцы."

—„Этотъ колоколъ бьетъ часъ твоей смерти," сказалъ Ранальдъ: „если ты не имѣ-

еть мужества далѣе за мною слѣдовать."

—„Мужества, Ранальдъ! Не уже ли ты думаешь, что у меня недостаетъ мужества? Нѣтъ, чортъ возьми, мои ноги мнѣ измѣняютъ; и я думаю, что гораздо лучше будетъ, если я лягу здѣсь въ кустахъ, и буду спокойно ожидать той участи, какую Богу угодно будетъ мнѣ назначить. А ты, Ранальдъ, спасайся, — и оставь меня собственной моей фортунѣ, такъ какъ Сѣверный Левъ, безсмертный Густавъ Адольфъ, о коемъ ты вѣрно когда-нибудь слыхалъ! — сказалъ Францискy Алберту, Герцогу Саксенъ Лоенбургскому, когда смертельно

былъ раненъ въ Люшценской долинѣ. Однако же не отчаявайся въ моемъ спасеніи, Ранальдъ;—ибо — скажу тебѣ, что въ Германіи я часто находился въ шакихъ же кришическихъ обстобтельствахъ. Между прочимъ я помню, какъ во время роковаго сраженія при Нерлингенѣ... послѣ коего я вышелъ въ отставку..."

— „Еслибъ вмѣсто того, чтобъ истощать силы, разсказывая мнѣ повѣсти, съ которыми я не знаю, что мнѣ дѣлать; — вы поберегли оныя для того, чтобъ избавиться отъ опасности," сказалъ Моншаньяръ, начинавшій приходить въ нетерпѣніе отъ многорѣчія Далжет-

шія, „или когдабъ ноги ваши столь же поспѣшно дѣйствовали, какъ языкъ: то вы могли бы еще спокойно уснуть эту ночь, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вамъ нечего будетъ бояться Макъ Каллюмора.“

—„Эти слова убѣдительны,“ возразилъ Маіоръ; „и хотя они нарушаютъ нѣсколько почтеніе, должное заслуженному Офицеру; но такъ во всѣхъ націяхъ—есть обыкновеніе — многое прощать солдатамъ, когда они въ походѣ: то и я намѣренъ стерпѣть сіи небольшія вольности. И вотъ теперь, когда я отдохнулъ, ты опять можеть вступить въ свою должность, Ранальдъ, или сказать

нѣе, I prae, sequar, какъ мы говаривали въ школѣ Марешаля.“

Понимая, что онъ хотѣлъ сказать болѣе по движеніямъ его, нежели изъ словъ, сынъ нощи опять повелъ Даліжеттія съ невѣроятною точностію, походившею на инстинктъ, по самымъ неровнымъ и непроходимымъ тропинкамъ. Не взирая ни на тяжесть ботфортъ своихъ, ни на набедренники, ни на рукавицы ни на броню;— не говоря уже о лосинномъ колетѣ, сверхъ коего надѣвалъ онъ латы: безпрестанно разсказывая прежніе подвиги, хотя Ранальдъ не обращалъ на оные ни малѣйшаго вниманія,—Маіоръ слѣ-

довалъ за проводникомъ своимъ на довольно большое разстояніе, какъ вдругъ продолжительный лай охотничей собаки послышался въ отдаленіи: казалось, что она почуяла свою добычу.

—„О! песъ зловѣщій, бывшій столь часто пагубнымъ для дѣтей нощи!“ сказалъ Рагальдъ: „не уже ли ты открылъ слѣды наши? — Но ты поздно пришелъ теперь! Олень достигъ уже своего стада!“

Сказавъ сіе, онъ съ величайшею осторожностію свиснулъ однажды, — и свистъ сей съ такимъ же благоразуміемъ повторенъ былъ на высотѣ крутой тропинки, по коей они давно уже взлѣ-

зали. Они удвоили шаги, и достигли вершины нѣкотораго рода ущелія, гдѣ луна, бывшая тогда въ полномъ сіяніи, позволила Маіору примѣтить небольшую толпу изъ десяти или двѣнадцати Монтаньяровъ, и столькихъ же женщинъ и дѣтей, которые при видѣ Ранальда Макъ Яга изъявили столь великія восторги радости, что товарищъ его легко угадалъ тогда, что всѣ окружавшіе его были дѣти нощи. Мѣсто, ими занимаемое, весьма сообразно было съ родомъ жизни, которую они вели. Это была вершина крутаго утеса, вокругъ коего извивалась узкая и не ровная тропинка,

защищаемая со всѣхъ сторонъ тѣмъ положеніемъ, въ коемъ они находились.

Ранальдъ сказалъ нѣсколько словъ дѣтямъ своего колѣна, и мущины, подходя одинъ послѣ другаго, брали руку Далжеттія, между тѣмъ какъ женщины, чтобъ еще красноречивѣе выразить ему свою признательность, толпились вокругъ него и старались даже цѣловать края его кирасы.

—„Они даютъ вамъ клятву въ вѣрности," сказалъ Макъ Ягъ, „за услугу, которую вы оказали сего дня нашему племени."

— „Довольно, Ранальдъ," отвѣчалъ Маіоръ, „довольно! жи имъ, что я не люблю,

чтобъ меня брали такимъ образомъ за руки. Это смѣшиваетъ званія и степени въ военной службѣ; чтожъ касается до женщинъ, которыя хотятъ цѣловать рукавицы мои и латы: то я помню, что безмертный Густавъ, коему чернь хотѣла воздать такія же почести, въ то время, какъ онъ проѣзжалъ Нюренбергскія улицы, сказалъ тѣмъ, которые повергались къ ногамъ его, чтобъ цѣловать полы его платья: „если вы обожаете меня та„кимъ образомъ, какъ Бога: „то кто вамъ поручится, что „мщеніе небесное не дока„жетъ вамъ вскорѣ, что и „я также смертный?“ Ахъ! да, Ранальдъ! я предполагаю,

что мы здѣсь остановимся, и станемъ дожидаться непріятеля съ твердостію. Позиція наша весьма хороша: voto à Dios, какъ говорятъ Испанцы! Прекрасный постъ для небольшаго отряда людей: непріятель не въ состояніи будетъ къ намъ приближиться, не будучи подверженъ огню изъ пушекъ и изъ ружей. Но, чортъ возьми, товарищь! я готовъ объ закладъ удариться, что у васъ совсѣмъ нѣтъ пушекъ, даже не вижу, чтобъ солдаты твои имѣли ружья. Какія же средства думаешь ты употребить, чтобъ защищать проходъ сей, прежде нежели дѣло дойдетъ до рукопашнаго бою? Это, братъ

Ранальдъ, превосходитъ мое понятіе!"

—„Мы имѣемъ оружія и храбрость нашихъ предковъ!" сказалъ Макъ Ягъ, и показалъ Маіору, что товарищи его вооружены были луками и стрѣлами.

—„Луки и стрѣлы!" вскричалъ Далжетти, „ха, ха, ха! смѣшно право! Чортъ возьми! да ужъ болѣе ста лѣтъ, какъ ихъ не видно въ образованной арміи! Сражаться луками и стрѣлами! Да, для чего же не пращами, какъ во времена Голіафа? Кто бы могъ подумать, чтобъ Дюгальдъ Далжетти Друмтваккетъ дожилъ до того, чтобъ видѣть людей, сражающихся такими оружіями!

Безсмертный Густавъ никогда бы тому не повѣрилъ... ни Валленштейнъ, ни Бутлеръ, ни старый Тилли! Ну чтожъ, Ранальдъ! не все коту масленица, такъ какъ луки и стрѣлы суть единственныя средства къ защищенію: то по крайней мѣрѣ постараемся извлечь изъ того всевозможную пользу, только такъ какъ я ничего не понимаю ни въ разположеніи, ни въ устроеніи столь древней артиллеріи: то самъ управляй дѣйствіями; ибо я не могу командовать, что сдѣлалъ бы съ большимъ удовольствіемъ, еслибъ вы сражались христіанскими оружіями; но вы должны сражаться, какъ Нумидійцы! Сочтите

однако же, что за недостаткомъ карабина, который по нещастію оешался привязаннымъ къ сѣдлу Густава, пистолешы мои не будушъ въ бездѣйствіи во время схвашки. Нѣшъ, нѣшъ, я благодарю тебя, другъ мой!" присовокупилъ онъ, обрашясь къ Моншаньяру, подававшему ему лукъ;—„Дюгальдъ Далжешши можетъ сказать о самомъ себѣ то, что онъ читалъ въ какомъ-то Авторѣ въ школѣ Марешаля,

„Non eget Mauri jaculis, neque arcu
„Nec venenatis gravida sagittis
„Fuse pharetrà;"

эшо значишъ. . ."

Ранальдъ Макъ Ягъ вшо-

рично предписалъ молчаніе неисправляемому Маіору, дернулъ его за рукавъ, и указывая ему пальцемъ на подошву утеса. Лай гончей собаки послышался тогда гораздо сильнѣе, и они могли различать даже голоса многихъ людей, сопровождавшихъ сіе животное, которые перекликались одни съ другими, опасаясь заблудиться, между тѣмъ какъ тщательно осматривали всѣ кустарники, находившіеся на дорогѣ. Ясно видно было, что они то и дѣло ближе подходили къ утесу. Макъ Ягъ предложилъ Маіору, чтобъ онъ снялъ съ себя кирасу, сказавъ ему, что женщины отнесутъ ее въ безопасное мѣсто.

—„Извини, брать,“ сказалъ Далжетти, „это противно правиламъ военной службы. Я помню, какъ Густавъ Адольфъ наказалъ кирасировъ Финляндскаго полка, и отнялъ у нихъ литавры, за то, что они дозволили себѣ выступить въ походъ безъ кирасъ, — и оставили ихъ въ обозѣ. Литавры не звучали предъ симъ славнымъ полкомъ до самой Лейпцигской баталіи, гдѣ онъ такъ славно отличился;—сего урока храбрый солдатъ не долженъ забывать, такъ какъ и возклицанія великаго Густава: „теперь-то,“ сказалъ онъ, „Офицеры мои должны надѣть свои кирасы, чтобъ доказать мнѣ лю-

бовь свою; ибо, если они будутъ ранены, то кто поведетъ солдатъ моихъ къ побѣдѣ?“ Однако же я не стану сопротивляться, другъ Ранальдъ, если ты прикажешь снять съ меня эти ботфорты, которыя немного тяжелы; но только вмѣсто оныхъ достань мнѣ какую-нибудь обувь; ибо я сомнѣваюсь, чтобъ подошвы ногъ моихъ были столь тверды, чтобъ могли бѣжать по терновымъ кустамъ и острымъ камнямъ, съ такою легкостью, съ какою твои товарищи могутъ то дѣлать.“

Въ одну минуту стащили съ Маiора тяжелыя его ботфорты и надѣли на него вмѣ-

сто оныхъ сандаліи изъ оленей кожи, которыя Ранальдъ снялъ съ себя, чтобъ ему отдать, и Далжетти нашелъ себя гораздо болѣе облегченнымъ. Ему весьма хотѣлось присовѣтовать Макъ Ягу, послать трехъ или четырехъ человѣкъ солдатъ, чтобъ разсмотрѣть дефилей, и въ то же время разтянуть нѣсколько фрунтъ, помѣстивши на каждомъ флангѣ по два стрѣлка, какъ бы для обсерваціонныхъ постовъ, но вдругъ лай гончей собаки показалъ имъ, что гонители ихъ находились при самой подошвѣ утеса. Тутъ настало глубокое безмолвіе, ибо не взирая на обыкновенную свою болтливость,

Маіоръ зналъ, что засада должна быть какъ возможно скрытнѣе.

Луна изливала слабый свѣтъ на неровную тропинку, которая тысячекратно извивалась вокругъ утеса, и свѣтъ ея прерываемъ былъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кустарниками и вѣтвями небольшихъ деревъ, кои, выросши въ трещинахъ скалы, тѣнію своею скрывали отчасти видъ тропинки. Нѣсколько пониже густая чаща лѣса, покрытаго непроницаемымъ мракомъ, уподоблялась нѣкоторымъ образомъ волнамъ моря, когда оно только въ половину бываетъ видно. Изъ средины сей тьмы и на краю пропа-

сти слышанъ былъ по временамъ ужасный лай собаки, который повторяемъ былъ эхомъ лѣсовъ и окружныхъ горъ; иногда оный вдругъ прекращался—и мертвое безмолвіе, заступавшее его мѣсто, прерывалось только журчаніемъ небольшаго источника, который, проложивши себѣ путь вдоль утеса, низвергался и изчезалъ во глубинѣ бездны. Можно было различить также голоса людей, которые совѣтовались между собою при подошвѣ утеса; казалось, что они не открыли еще узкой тропинки, ведшей на гору, или, что нашедши оную, медлили, видя трудность идти по ней, по причинѣ слабаго

свѣта, ее освѣщавшаго, и и опасаясь, чтобъ она не была защищаема.

Наконецъ Далжетти примѣтилъ какъ будто бы призракъ, явившійся изъ средины мраковъ, который началъ медленно и съ величайшею осторожностію всходить по роковой тропинкѣ; луна ясно тогда свѣтила, что Маіоръ могъ различить не только всю особу Монтаньяра; но даже длинное ружье, которое онъ держалъ въ рукѣ, и плюмажъ, украшавшій картузъ его. „Tausend teuflen! мы пропали!" сказалъ онъ сквозь зубы, „что съ нами будетъ, если они нападутъ на насъ съ ружьями?"

Но въ ту минуту, какъ солдатъ, достигши до половины пути, обращался назадъ, чтобъ дать товарищамъ своимъ знакъ за собою слѣдовать, — стрѣла, пущенная изъ лука однимъ изъ сыновъ нощи, съ свистомъ полетѣла и нанесла ему столь тяжкую рану, что не успѣвши сдѣлать ни малѣйшаго усилія для спасенія своей жизни, онъ потерялъ равновѣсіе, и низвергся внизъ головою со скалы, въ частые кустарники, ограничивавшіе пропасть. Трескъ сучьевъ, которые поддержали его сначала при паденіи, и шумъ, съ коимъ онъ покатился потомъ въ бездну, были сопровождаемы крикомъ ужа-

са и удивленія, испущеннымъ его шоварищами.

Дѣши нощи, ободренные сшрахомъ, кошорый сей первый успѣхъ, казалось, распросшранилъ между ихъ непріяшелями, ошвѣчали на оный громкими радосшными восклицаніями, и вдругъ, показавшись на краю ушеса, принимали самыя угрожающія положенія, и сшарались усугубишь ихъ ужасъ, показавъ имъ, что гошовы были защищашься. Самое благоразуміе Маіора и воинская его опышносшь не могли возпрепяшсшвовашь ему всшашь и громкимъ голосомъ закричашь Ранальду.

,,Сагассо, шоварищь! какъ говоряшъ Испанцы — по че-

сти, да здравствуютъ луки и стрѣлы! Я думаю, что если теперь ты подвинешь взводъ, чтобъ занять здѣсь позицію..."

—„Сассенатъ!" вскричалъ голосъ, раздавшійся у подошвы утеса: „прицѣливайтесь въ Сассенаша! Я вижу блескъ его латъ! Въ то же время послѣдовали три ружейные выстрѣла; и между тѣмъ какъ одна пуля тщетно ударилась въ его кирасу, которую не могла пробить, и крѣпости коей храбрый Маіоръ не въ первый разъ одолженъ былъ жизнію, другая пуля проникла набедренникъ, покрывавшій спереди лѣвую его лядвію, и разпростерла его на землѣ.

Ранальдъ тотчасъ схватилъ его въ свои объятія, чтобъ оттащить подалѣе, между тѣмъ какъ Далжетти бормоталъ жалобнымъ голосомъ:

—„Я всегда говорилъ безсмертному Густаву, Валленштейну, Тилли и другимъ знаменитымъ воинамъ, что, по моему мнѣнію, набедренники должно дѣлать непроницаемыми для пули."

Макъ Ягъ поручилъ раненаго попеченіямъ женщинъ, находившихся позади небольшаго его отряда, и хотѣлъ возвратиться къ сраженію; но Далжетти удержалъ его, схвативши за полу плаща. —„Я не знаю, чѣмъ это кончится, товарищь," сказалъ онъ ему: „но если я умру,

что прошу тебя сказать Монрозу, что я умеръ славною смертью, и какъ слѣдуетъ солдату безсмертнаго Густава. Послушай меня,—остерегайся оставить теперешнюю позицію, хотя бы и должно было преслѣдовать непріятеля, когда одержишь побѣду, и, и. . .“

При сихъ словахъ онъ сталъ лишаться чувствъ, и зрѣніе его помрачилось отъ потери крови. Макъ Ягъ, пользуясь симъ случаемъ, высвободилъ полуплаща своего и вложилъ ему вмѣсто онаго юбку одной изъ женщинъ, которую Маіоръ схватилъ весьма крѣпко, думая такимъ образомъ увѣриться въ вниманіи Монтаньяра, ко-

ему продолжалъ дѣлать воинскія свои наставленія, хотя выраженія его постепенно становились болѣе и болѣе невразумительны: „а! товарищь, постарайся помѣстить стрѣлковъ своихъ съ ружьями напереди; потомъ сдѣлай, чтобъ поддержать ихъ, небольшую Македонскую фалангу: стой крѣпче, драгуны, на лѣвомъ Флангѣ! . . . Гдѣ бить я остановился?... Ахъ, Ранальдъ! если вздумаешь отступить: то оставь здѣсь нѣсколько зазженныхъ фитилей, привязавши ихъ къ древеснымъ сучьямъ; непріятель подумаетъ, что это батареи, и не осмѣлится приблизиться. . . но я забылъ. . . у васъ совсѣмъ

нѣтъ ружей. . . ни ружей, ни сабель. . . одни только луки, да стрѣлы. . . Луки и стрѣлы! ха! ха! ха!“

Насмѣхаясь такимъ образомъ надъ сими древними оружіями, Маіоръ совершенно лишился силъ, и упалъ въ обморокъ; долго не могъ онъ опомниться, и въ ожиданіи сего мы оставимъ его на попеченіе дочерей нощи, столь же рачительныхъ въ хожденіи за больными и столько къ тому внимательныхъ, сколько онѣ казались дики и грубы по наружности.

ГЛАВА XVI.

„De la plume et du bras je saurai te servir,
„Et couronnant ton front des palmes de la gloire,
„Je t'inscrirai deux fois au temple de mémoire."

Vers de Montrose.

Къ великому нашему сожалѣнію, мы должны осшавишь храбраго Маіора до шого времени, пока онъ не излѣчишся отъ ранъ своихъ, если только какъ мы надѣемся, онѣ не смершельны; — а между шѣмъ опишемъ вкрашцѣ военные подвиги

Монтроза, которые заслуживають быть описанными лучшимъ Историкомъ и помѣщенными не въ такой пустой книгѣ, какъ сія. При помощи начальниковъ, о которыхъ мы уже говорили, а наиболѣе — благодаря прибытію Мюрраевъ, Стевартовъ и другихъ племянъ Атоля, которые горѣли усердіемъ къ Королевской сторонѣ и пришли соединиться подъ его знаменами, онъ вскорѣ имѣлъ подъ начальствомъ своимъ армію, состоящую изъ двухъ или трехъ тысячь Монтаньяровъ, съ коею удалось ему соединить также и Ирландцевъ, находившихся подъ предводительствомъ Колкитто.

Сей послѣднїй военачальникъ былъ природный Шотландецъ, и доводился родственникомъ Графу Антриму, коего покровительству обязанъ былъ тѣмъ, что начальствовалъ надъ Ирландскими войсками. Колкитто по многимъ отношенїямъ заслуживалъ сїе отличїе, потому что кромѣ непреоборимой храбрости, силы и неимовѣрнаго проворства, онъ искусенъ былъ во всѣхъ воинскихъ упражненїяхъ, и всегда готовъ подавать примѣръ своимъ солдатамъ, бросаясь первый въ средину опасностей.

Чтобъ уменьшить сїи добрыя качества, мы должны сказать однако же, что онъ

не имѣлъ никакой опытности, ни малѣйшаго понятія о воинской политикѣ, и былъ столь завистливъ и тщеславенъ, что часто лишалъ Монтроза тѣхъ выгодъ, какія сей послѣдній могъ бы получить отъ его храбрости. Но однако же преимущество, отдаваемое дикимъ и малообразованнымъ народомъ физическимъ качествамъ, столь велико, что сила и дѣятельность, оказанныя Колкиттомъ во многихъ случаяхъ, и черты храбрости и неустрашимости, коими онъ ознаменовалъ себя, сдѣлали сильнѣйшее впечатлѣніе надъ умами Монтаньяровъ, нежели воинскіе таланты и рыцарскій духъ

Графа Моншроза. Моншаньяры и шеперь еще сохраняюшъ много преданій, ошносящихся къ Колкишшу, между шѣмъ какъ имя Моншроза весьма рѣдко упоминаешся между ими.

Сшрашеарнъ былъ шошъ пункшъ, на кошоромъ Моншрозъ собралъ свою небольшую армію на границахъ Графсшва Першскаго, и шакимъ образомъ онъ угрожалъ сшолицѣ онаго.

Непріяшель шакже изрядно изгошовился къ приняшію его. Аржиль, начальсшвуя Моншаньярами своей паршіи, задиралъ Ирландцевъ, слѣдуя за ними вблизи и упошребляя поперемѣно си-

лу, угрозы и убѣжденія. Ему удалось собрашь войско, достаточное для нападенія на армію, коею предводительствовалъ Монтрозъ. Такимъ образомъ Нижнія земли готовы были защищаться по тѣмъ причинамъ, какія мы описали уже въ началѣ сей повѣсти. Корпусъ изъ шести тысячь человѣкъ пѣхоты и четыри или семи тысячь человѣкъ конницы, который по богопротивному нечестію принялъ названіе войска Божія, поспѣшно набранъ былъ въ Графствахъ Фифскомъ, Ангурскомъ, Пертскомъ, Стирлингскомъ и окружныхъ провинціяхъ. Прежде, и даже во время царствованія предшественника нынѣшняго Мо-

нарха, гораздо меньшее число войска было бы доспаточно для приведенія Нижнихъ земель въ безопасность отъ нападенія ужаснѣйшаго, нежели какимъ Монтрозъ угрожалъ имъ, но въ теченіи полувѣка возпослѣдовали большія перемѣны.

Прежде сей эпохи жители Нижнихъ земель имѣли столь же частыя войны, какъ и Монтаньяры; но они были несравненно лучше вооружены и обучены военной дисциплинѣ; любимой порядокъ построенія рядовъ ихъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Македонскою фалангою. Пѣхота вооружена была длинными копьями и составляла столь густую колонну, что

даже конница тогдашняго времени, которая также хорошо была вооружена и покрыта непроницаемыми бронями, не могла оной проломить. Слѣдовательно могли ли быть разорваны ряды сей фаланги неправильнымъ нападеніемъ пѣхоты, которая вооружена была только мечами и не имѣла ни метательныхъ оружій, ни артиллеріи?

Введеніе огнестрѣльныхъ оружій въ Шотландскихъ арміяхъ перемѣнило большею частію образъ войны сей націи; но такъ какъ штыки не были еще въ употребленіи, то ружье, которое только издалека было страшно, не могло уже служить защитою

когда дѣло доходило до сраженія вблизи. Правда, что употребленіе копья не совершенно еще истребилось въ Шотландской арміи; но оружіе сіе не было уже любимымъ ихъ оружіемъ; — и тѣ, которые употребляли оное, не имѣли уже къ нему прежней довѣренности; и потому Даніилъ Лунтонъ, великій тактикъ тогдашняго вѣка, написалъ книгу единственно для того, чтобъ доказать превосходство ружья.

Сія перемѣна возпослѣдовала со временъ воинскихъ походовъ Густава Адольфа, коего марши были столь быстры, что пики вскорѣ были оставлены и замѣнены

огнестрѣльными оружіями. Такимъ образомъ сіе вновь введенное оружіе, а также и учрежденіе регулярныхъ и постоянныхъ армій, посредствомъ котораго война сдѣлалась наукою, послужили поводомъ къ введенію системы трудной и запутанной дисциплины, заключавшей въ себѣ множество словъ для командованія, съ дѣйствіями и маневрами, другъ отъ друга зависящими; — и если хотя одного изъ нихъ не доставало, то все приходило въ замѣшательство и безпорядокъ.

Война, производившаяся тогда почти во всѣхъ Европейскихъ націяхъ, приняла видъ ремесла, въ коемъ над-

лежало долго упражняться и имѣть большую опытность: однимъ словомъ, это было такое ремесло, которому надлежало долго учиться, прежде нежели можно было производить оное въ дѣйство: это было — такъ сказать — таинство, къ которому надлежало быть пріобщеннымъ. Таково было — какъ мы говорили—естественное слѣдствіе образованія постоянныхъ армій, которое почти вездѣ, и особенно въ продолжительныхъ войнахъ въ Германіи, замѣнило такъ называемую натуральную дисциплину феодальнаго ополченія.

И такъ солдаты, состав-

лявшіе ополченіе Нижнихъ земель, имѣли сугубую невыгоду, когда сражались съ Монтаньярами, потому что они не имѣли болѣе пики — сего оружія, которымъ предки ихъ столь часто отражали стремительныя нападенія своихъ непріятелей, — и были покорены нѣкоторому роду новой и запутанной дисциплины, которая, приличествуя регулярнымъ войскамъ, долгое время оной обучавшимся, производила только замѣшательство въ рядахъ солдатъ-гражданъ, кои не только не могли дѣйствовать сообразно съ оною, но даже съ трудомъ ее понимали. Въ наши времена достигли до того, что при-

вели тактику къ первымъ ея основаніямъ, уничтожившй — такъ сказать — педантизмъ войны; и потому намъ не трудно будетъ понять тѣ невыгоды, коимъ подвержено было войско малообразованное, почитавшее успѣхъ зависящимъ отъ точности, съ какою оно будетъ слѣдовать системѣ, которую понимало безъ сомнѣнія не болѣе, какъ сколько нужно было для того, чтобъ видѣть, когда оно дѣлало худо, не зная однако же какъ поступать, чтобъ сдѣлать лучше. Не льзя также не согласиться въ томъ, что въ главнѣйщихъ пунктахъ, а именно: въ воинскомъ духѣ и воинской опытности—жите-

ли Нижнихъ земель семнадцатаго вѣка весьма много уступали Монтаньярамъ.

Съ давнихъ временъ — до самаго соединенія Королевствъ, какъ Нижнія земли, такъ и горы Шотландіи были театромъ безпрестанныхъ войнъ какъ иностранныхъ, такъ и гражданскихъ, и вѣроятно не было ни одного изъ жителей, начиная съ пятнадцатилѣтняго отрока до шестидесятилѣтняго старика, который не былъ бы готовъ не столько по должности, сколько по врожденной склонности взять оружіе при первомъ воззваніи своего владѣтельнаго господина, или Королевской прокламаціи: то что

законъ повелѣвалъ имъ дѣлать, они дѣлали также и по склонности.

Законы были тѣ же, какъ и въ 1645 году, за сто лѣтъ до сего; но племя тѣхъ, кои имъ повиновались, было воспитано совсѣмъ съ другими чувствами. Они спокойно жили подъ тѣнію фиговыхъ деревъ своихъ, и необходимость взять оружіе была для нихъ сколько новою, столько же и непріятною перемѣною рода жизни. Тѣ изъ нихъ, которые жили близь Шотландскихъ горъ, весьма боялись безпокойныхъ и наглыхъ ихъ жителей, которые похищали стада ихъ, грабили ихъ жилища и причиняли имъ всякія оскорбле-

нія, получивши чрезъ то надъ ними большое преимущество, потому что всегда были первыми зачинщиками. Другіе же, находившіеся нѣсколько подалѣе, и слѣдовательно въ безопасности отъ сихъ нападеній, не менѣе приведены были въ робость увеличенными разсказами о поступкахъ Монтаньяровъ, которые, будучи совершенно различны съ ними въ законахъ, языкѣ, обычаяхъ своихъ и одеждѣ, казались имъ дикимъ народомъ, чуждымъ всякаго чувства боязни или человѣчества.

Сіи различные предразсудки, а также нравы жителей Нижнихъ земель и ихъ несовершенное познаніе новой

системы дисциплины, которую они приняли, причиняли имъ большія невыгоды, когда они сражались съ Монтаньярами; между тѣмъ какъ сіи послѣдніе съ оружіемъ и храбростію своихъ предковъ соединяли простой и естественной образъ войны, и нападали на непріятеля, будучи твердо увѣрены въ томъ, что побѣдятъ его; и въ самомъ дѣлѣ сія увѣренность почти всегда доставляла имъ побѣду.

Сіи преимущества вознаградили недостатокъ числа солдатъ, а также недостатокъ конницы и артиллеріи, коихъ непріятель имѣлъ весьма довольно, и дозволили Дюмурозу сразиться съ ар-

міею Лорда Ельхо на поляхъ Типпермирскихъ. Пресбитеріанское духовенство не пощадило ни рѣчей, ни убѣжденій, чтобъ возбудить энтузіазмъ въ своихъ сообщникахъ, и одинъ изъ членовъ сего сословія, говорившій рѣчь войскамъ въ самый день сраженія, не устыдился сказать, что самъ Богъ говорилъ его устами, и что Его именемъ онъ обѣщаетъ имъ въ сей день великую побѣду. Конница и артиллерія также почитаемы ими были вѣрными средствами къ побѣдѣ; потому что вредъ, причиненный оными Монтаньярамъ во время прошедшихъ сраженій, казалось, разпространилъ между ими

страхъ и робость. Открытое поле было мѣстомъ сраженія и не доставляло никакихъ преимуществъ ни той, ни другой сторонѣ, кромѣ того только, что конница защитниковъ Конвента могла сильно дѣйствовать.

Никогда и никакое сраженіе не было столь скоро рѣшено, хотя слѣдствіе онаго впрочемъ весьма было важно. Пресбитеріанская конница сдѣлала нападеніе; но должно думать, что ружейной огонь привелъ ее въ безпорядокъ, или—какъ другіе предполагаютъ—она сражалась съ большимъ отвращеніемъ за ту сторону, которой служила,—только она

вскорѣ обратилась въ бѣгство, тѣмъ болѣе, что пѣхота не имѣла ни пикъ, ни штыковъ, чтобъ ее поддержать.

Монрозъ умѣлъ тотчасъ возпользоваться симъ случаемъ, и приказалъ всей арміи своей напасть въ одно время на непріятеля, что она и сдѣлала съ стремительною и отчаянною храбростію, отличающею Монтаньяровъ. Одинъ только изъ Генераловъ Конвента, служившій во время Италіанскихъ войнъ, оказалъ упорное сопротивленіе на правомъ крылѣ. Во всѣхъ же другихъ пунктахъ непріятельскіе ряды были сломлены при первомъ ударѣ, и

лишь только сіе было сдѣлано, какъ они обратились въ бѣгство. Множество солдатъ было убито на полѣ сраженія, но во время бѣгства погибло оныхъ еще большее число, такъ что Пресбитеріане потеряли болѣе третей части своей арміи. Правда, что въ томъ числѣ надобно полагать многихъ толстыхъ мѣщанъ, которые до того бѣжали, что задохлись, и не могши перевести духа, умерли, не получивши никакой раны *).

---

*) Мы весьма ради, что можемъ привести историческое свидѣтельство о столь странномъ происшествіи. „Великое число мѣщанъ было убито; но многіе

Побѣдители завладѣли Перштомъ, и нашли тамъ большую сумму денегъ, а также много оружія и снарядовъ; но сія побѣда весьма мало принесла пользы по причинѣ неудобства, которое неизбѣжно бываетъ въ арміи, составленной изъ Монтаньяровъ, потому что племена ни подъ какимъ видомъ не хотѣли почитать себя за регулярныя войска, ни дѣйствовать, какъ таковыя должны были дѣйствовать.

погибли отъ того, что во время бѣгства не могли перевести дыханія; и такимъ образомъ пали, не получивши ни одной раны." Смотри Письма Бальи, Томъ II.

Въ 1745 году, когда рыцарь Карлъ Едвардъ, чтобъ подать примѣръ другимъ, приказалъ разстрѣлять одного бѣглаго солдата: то Монтаньяры, составлявшіе его армію, громко на сіе возроптали. Они не могли понять, по какому праву отнимали жизнь у человѣка, единственно за то, что онъ возвращался домой, когда ему не хотѣлось болѣе оставаться въ арміи; ибо таковы были всегдашніе обычаи ихъ предковъ. Когда сраженіе было кончано: то имъ казалось, что и война также оканчивалась. Будучи побѣждены, они искали убѣжища въ горахъ своихъ; побѣдивши же, уходили туда, чтобъ

отнести свою добычу. Въ другое время они должны были охранять стада свои, засѣвать и пожинать нивы, потому что въ противномъ случаѣ семейства ихъ померли бы съ голоду. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они немедленно оставляли службу. Правда, что легко было опять собрать ихъ, обѣщая имъ новыя побѣды и новыя добычи; но тогда случай былъ потерянъ—и побѣдитель не могъ уже пользоваться плодами своей побѣды. Это одно обстоятельство (когда бы Исторія не показала намъ сего на самомъ дѣлѣ) было бы достаточно, дабы доказать намъ, что Монтаньяры ни-

когда не сражались для того, чтобъ сдѣлать твердыя и постоянныя завоеванія; но единственно въ надеждѣ получить чрезъ то кратковременныя выгоды. Оно изъясняетъ также, для чего Монтрозъ, не взирая на блистательныя свои побѣды, никогда не могъ твердымъ образомъ основаться въ Нижнихъ земляхъ, и для чего владѣльцы сей страны, будучи хорошо расположены къ Королевской сторонѣ, показывали недовѣрчивость и отвращеніе присоединиться къ арміи, столь регулярной и въ одно время столь способной разсѣяться, опасаясь ежеминутно, чтобъ въ то время, какъ Монтаньяры из-

бѣгнуть отъ всѣхъ опасностей, удалясь въ горы свои, они не остались одни на произволъ сильнаго и раздражённаго непріятеля.

Сія же причина изъяснитъ тѣ быстрые марши, которые Монтрозъ принужденъ былъ дѣлать для набранія своего войска въ горахъ, и внезапныя перемѣны фортуны, часто заставлявшія его убѣгать отъ тѣхъ самыхъ непріятелей, которыхъ только что побѣдилъ. Если читатели желаютъ найти въ чтеніи сей книги нѣчто большее, нежели простую забаву: то они найдутъ примѣчанія сіи достойными ихъ вниманія.

По симъ-то причинамъ, то

есть, отъ недовѣрчивости Роялистовъ Нижнихъ земель и отъ кратковременной отлучки нѣкоторой части Монтаньяровъ, Монтрозъ даже и послѣ рѣшительной побѣды при Типпермирѣ не могъ противустать второй арміи, съ которою Аржиль шелъ къ нему на встрѣчу съ Западу. Въ семъ случаѣ, замѣнивъ проворствомъ недостатокъ войскъ, онъ вдругъ изъ Перта пошелъ на Дундею, и видя, что жители отказались отворить ему ворота сего города, обратился на Сѣверъ къ Аберcharacterдену, надѣясь, что тамъ соединятся съ нимъ Гордоны и другіе Роялисты. Но усердіе сихъ храбрыхъ вои-

новъ въ это время было обуздано многочисленнымъ корпусомъ Пресбитеріанъ, предводительствуемыхъ Лордомъ Бурлейгомъ, состоявшимъ— (какъ предполагали) — по крайней мѣрѣ изъ трехъ тысячѣ человѣкъ. Монтрозъ смѣло напалъ на него съ половиною своихъ войскъ. Сраженіе происходило подъ стѣнами города Абердена, и непреоборимая храбрость солдатъ Монтроза опять возторжествовала, не смотря на неравенство числа.

Но судьбою было предназначено, чтобъ сей великій полководецъ покрывалъ себя славою, не могши однако же никогда воспользоваться

плодами побѣдъ своихъ. Лишь только небольшая его армія отдохнула нѣсколько времени въ Аберденѣ, какъ онъ узналъ, что Гордоны вѣроятно не придутъ съ нимъ соединиться, сколько по тѣмъ причинамъ, какія мы уже сказали, столько же и по другимъ, особенно относившимся къ начальнику ихъ Маркизу Гунтлею. Съ другой же стороны Аржиль, съ коимъ соединились многіе владѣльцы Нижнихъ земель съ своими вассалами, — шелъ противъ Монтроза, предводительствуя арміею гораздо многочисленнѣйшею, нежели тѣ, съ которыми сей полководецъ долженъ былъ еще сражаться. Правда, что

сіи войска приближались съ медленностію, сообразною съ робкимъ и мнительнымъ характеромъ ихъ начальника; однако же люди, знавшіе Аржиля, ясно видѣли, что, стараясь встрѣтиться съ непріятелемъ, онъ предводительствовалъ многочисленною арміею, которой не возможно было сопротивляться.

Монтрозу оставалось одно только средство къ выступленію,—и онъ тотчасъ на оное рѣшился. Удалился въ горы, гдѣ былъ въ безопасности отъ преслѣдованій, и гдѣ—на каждомъ шагу—былъ увѣренъ въ томъ, что съ нимъ соединятся тѣ самые Монтаньяры, которые

оставили его знамена для того, чтобъ отнести добычу въ неприступныя свои убѣжища: такимъ образомъ, если съ одной стороны странные и необыкновенные нравы арміи Монтроза дѣлали побѣды его нѣкоторымъ образомъ мечтательными: то съ другой сіи же самые нравы доставляли ему легчайшія средства даже въ самомъ критическомъ положеніи дѣлать отступленіе, подкрѣплять свои войска и угрожать тому самому непріятелю, съ которымъ за нѣсколько дней до того не смѣлъ сразиться.

Въ сей разъ Монтрозъ бросился въ Графство Баденохъ, и быстро прошедши окружность онаго, а также и

Графство Атоль, разпространилъ тревогу между защитниками Конвента, напавши на нихъ нечаянно и неоднократно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они совсѣмъ не думали остерегаться. Однимъ словомъ, столь великъ былъ общій ужасъ, имъ причиненный, что Парламентъ посылалъ къ Маркизу Аржилю неоднократныя повелѣнія — дать генеральную баталію Монтрозу и разсѣять армію его, во что бы то ни стало.

Но сіи повелѣнія не понравились гордому духу и осторожной политикѣ Маркиза Аржиля; почему, не уваживъ ихъ, онъ ограничился тѣмъ, что посредствомъ интригъ старался отвлечь

отъ непріятельской арміи немногихъ начальниковъ, которые, будучи всѣ изъ Нижнихъ земель, опасались идти въ горы и подвергнуть себя несноснымъ трудамъ въ то время, какъ владѣнія ихъ останутся во власти сообщниковъ Конвента.

И въ самомъ дѣлѣ ему удалось сіе, потому что многіе изъ начальниковъ оставили лагерь Монтроза. Но сей великій полководецъ едва только примѣтилъ ихъ отсутствіе, какъ къ нему пришелъ корпусъ войскъ, коихъ нравы, отважность и неустрашимость гораздо могли быть ему полезнѣе, въ томъ положеніи, въ коемъ онъ находился. Сіе вспомо-

гательное войско состояло въ многочисленномъ корпусѣ Монтаньяровъ, коихъ Колкитто, посланный нарочно для сего, набралъ въ Графствѣ Аржильскомъ. Изъ знатнѣйшихъ начальниковъ онаго были: Іоаннъ Муадартъ, глава племени Ранальда, Стуарты Алпинскіе, племя Макъ Грегоръ, племя Макъ Набъ и другія подвластныя имъ колѣна.

Армія Монтроза сдѣлалась тогда столь многочисленна, что Аржиль не захотѣлъ болѣе предводительствовать тѣмъ войскомъ, которое должно было съ нею сразиться. Онъ возвратился въ Эдимбургъ, и сдалъ тамъ начальство, подъ тѣмъ предлогомъ,

что армія его не получала нужныхъ подкрѣпленій и съѣстныхъ припасовъ, кои должно было ей доставлять. Изъ Эдимбурга Аржиль возвратился въ Инверрари, и тамъ, будучи въ совершенной безопасности, началъ опять деспотически управлять своими вассалами, полагаясь на справедливость пословицы, которую мы и прежде имѣли случай представить нашимъ читателямъ.

ГЛАВА XVII.

„Vous voyez, leur dit-il, de montagnes sauvages,
„D'impénétrables bois, d'horribles marécages,
„Pourrons-nous surmonter ces dangers réunis?"
— Marchons, dirent les chefs, marchons aux ennemis."

Poëme de Flodden Field.

Монтрозъ имѣлъ тогда передъ собою блистательное открытое поприще, еслибъ только могъ быть увѣренъ, что его храбрыя войска, которыя всегда готовы были разсѣяться, и независимые

ихъ начальники, за нимъ послѣдуютъ. Нижнія земли были предъ нимъ открыты, потому что войско, могшее остановить его шествіе, уже несуществовало. Лишь только Маркизъ Аржиль сложилъ съ себя начальство, какъ и всѣ его сообщиники удалились, а многіе другіе отряды, утомленые войною, воспользовались симъ случаемъ, чтобъ также разсѣяться. Спустясь въ Стуратъ - Гай, одинъ изъ самыхъ благопріятнѣйшихъ дефилеевъ, Монтрозу стоило бы только показаться въ Нижнихъ земляхъ, чтобъ возбудить тамъ воинскій духъ и благородную ревность сообщниковъ, которыхъ Королевская сторо-

на тамъ имѣла. Тогда онъ могъ бы завладѣть почти безъ всякаго сраженія самою богатѣйшею и плодороднѣйшею частію Королевства, которая доставила бы ему способы производить порядочное жалованье своимъ войскамъ; и такимъ образомъ, имѣя легчайшія средства удержать ихъ подъ своими знаменами, онъ могъ бы проникнуть не только въ Столицу, но можетъ быть даже до самыхъ границъ Королевства, гдѣ могъ надѣяться сдѣлать сношеніе съ войсками Короля Карла, которыхъ все еще не могли склонить.

Таковъ былъ неоспоримо планъ дѣйствій, могшій покрыть славою тѣхъ людей

которые бы его исполняли, и самый полезнѣйшій для Королевской стороны. Слѣдовательно оный не могъ избѣжать отъ проницательныхъ и честолюбивыхъ видовъ человѣка, который за услуги свои въ послѣдствіи наименованъ былъ великимъ Маркизомъ. Но другія причины одушевляли большую часть начальниковъ его арміи; и сіи самыя причины имѣли можетъ быть также тайное вліяніе и на собственное его сердцѣ.

Почти всѣ начальники Западныхъ горъ, находившіеся въ арміи Монтроза, почитали Маркиза Аржиля главнѣйшею цѣлію, въ которую должно было устремить всѣ

удары.—Почти всѣ они испытали, сколь велико было его могущество; почти всѣ, вооруживши своихъ вассаловъ, оставили семейства и владѣнія свои подверженными его мщенію,—всѣ безъ изключенія желали уменшить его владѣть, и большая часть изъ нихъ столь близко находилась отъ областей его, что могла весьма основательно надѣяться — воспользоваться его богатствомъ и возвыситься на его щетъ. Сіи Начальники почитали гораздо важнѣйшимъ для себя: взять Инверрари и крѣпость сего города, нежели завладѣть Эдимбургомъ; потому что послѣднее обѣщало солдатамъ ихъ только лишь

кратковременное грабительство и небольшую награду; между тѣмъ какъ первое доставляло самимъ начальникамъ вознагражденіе за прошедшее и безопасность на будущее время.

Но независимо отъ сихъ причинъ, лично до нихъ касавшихся, начальники, поддерживавшіе сіе мнѣніе, дѣлали довольно основательное замѣчаніе, которое заключалось въ томъ, что хотя Монтрозъ и одержитъ верхъ надъ непріятелемъ при первомъ вступленіи своемъ въ Нижнія земли; но что потомъ чѣмъ болѣе онъ будетъ удаляться отъ горъ, тѣмъ болѣе войска его будутъ уменьшаться; между

тѣмъ какъ непріятельская армія увеличится, соединясь со всѣми ближайшими гарнизонами. Но если вмѣсто того, чтобъ подвергаться симъ опасностямъ, Монтрозъ устремитъ всѣ силы свои противъ Аржиля и достигнетъ наконецъ до того, что обуздаетъ его могущество: тогда не только Западные его друзья могли выставить ту часть войскъ своихъ, которую въ противномъ случаѣ они должны бъ были оставить въ своихъ владѣніяхъ, для защищенія семействъ своихъ; но подъ знаменами его собрались бы также многія племена, которыя тайно благопріятствуя Королевской сторонѣ, не смѣли

однако же соединиться съ Монтрозомъ, опасаясь навлечь на себя мщеніе Макъ Каллюмора.

Сіи доказательства утверждены были въ душѣ Монтроза внутреннимъ и невольнымъ чувствомъ, которое совсѣмъ не согласовалось съ героическимъ и великодушнымъ его характеромъ. Фамиліи Аржиля и Монтроза были неоднократно соперницами какъ въ войнѣ, такъ и въ совѣтахъ,—и верховное преимущество, полученное домомъ Аржиля, сдѣлало его предметомъ ненависти дома Монтроза, которой, думая имѣть тѣ же права на благосклонность фортуны,

не былъ однако же столько оною благопріятствованъ.

Но это еще не все. Оба главныя начальники сихъ непріязненныхъ фамилій всегда находились въ явномъ несогласіи съ самаго начала бунтовъ. Монтрозъ, одаренный превосходнѣйшими талантами и оказавшій сначала великія услуги сообщникамъ Конвента, думалъ быть главнымъ предсѣдателемъ въ совѣтахъ ихъ и полководцемъ ихъ армій; но они почли благоразумнѣйшимъ назначить достоинства сіи сопернику его Аржилю, который имѣлъ менѣе талантовъ, но гораздо болѣе могущества. Предпочтеніе сіе Монтрозъ почелъ величайшею для себя обидою, и

никогда не прощалъ сего Пресбитеріанамъ, а тѣмъ менѣе онъ расположенъ былъ простить сопернику, котораго ему предпочли.

Такимъ образомъ чувства ненависти, могущія одушевлять характеръ, отъ природы пылкій, во время сихъ междоусобныхъ войнъ побуждали Монтроза отмстить врагу своей фамиліи и личному своему врагу;—и весьма вѣроятно, что сіи особенныя причины имѣли вліяніе на его разумъ, когда онъ увидѣлъ, что большая часть начальниковъ гораздо болѣе расположена была напасть на Аржиля въ собственныхъ его владѣніяхъ, нежели принять рѣшитель-

нѣйшія мѣры, вступивши немедленно въ Нижнія земли.

Впрочемъ, не взирая на собственное желаніе свое напасть на Графство Аржиль, Монтрозъ съ сожалѣніемъ однако же отступалъ отъ благороднѣйшаго и славнѣйшаго плана, сначала имъ составленнаго. Почему нѣсколько разъ держалъ совѣтъ съ главнѣйшими начальниками, опровергая ихъ мнѣнія, хотя они и согласовались съ его склонностями. Представлялъ имъ, сколько трудно было проникнуть съ Восточной стороны въ Графство Аржиль, говоря, что они должны будутъ проходить дефилеи почти неприступныя для пастуховъ, ко-

торые въ нихъ обитали, — и перелѣзать чрезъ горы, не совершенно извѣстныя даже тѣмъ племенамъ, которыя жили по близости оныхъ. Время года еще болѣе усугубляло неудобство сего предпріятія; ибо приближался Декабрь мѣсяцъ, въ который глубокія снѣга сдѣлали бы горы сіи совершенно неприступными.

Сіи возраженія не удовлетворили начальниковъ и показались имъ не столь важными, чтобъ опровергнуть силу ихъ доказательствъ. „Мы хотимъ, говорили они, вести войну по обычаю нашихъ предковъ, похитивъ стада, питающіяся (по Гальской пословицѣ) травою вра-

ровъ нашихъ." Совѣтъ кончился поздо вечеромъ; но главнѣйшее еще не рѣшили. Впрочемъ начальники, упорно стоявшіе въ мнѣніи, что должно напасть на Аржиля, дали обѣщаніе выбрать изъ солдатъ своихъ такихъ, которые могли бы служить путеводителями войску въ горахъ.

Монтрозъ удалился въ хижину, служившею ему палаткою, и бросился на постель изъ сухаго папоротнику, которая одна только въ ней и находилась. Но онъ тщетно призывалъ сонъ, мечты честолюбія прогоняли оный. Иногда ему казалось, что онъ водружалъ Королевское знамя на бастіо-

нахъ вновь завоеванной крѣпости въ Эдимбургѣ; посылалъ потомъ вспомогательное войско Монарху, котораго корона зависѣла отъ побѣдъ его, и получалъ въ награду за то всѣ отличія, всѣ почести, какими только Король можетъ осыпать твердѣйшую подпору своего престола. Но вдругъ блистательныя мечты сіи изчезали отъ одной мысли объ удовольствованномъ мщеніи и о смертельномъ непріятелѣ, трепещущемъ у ногъ его. Напасть нечаянно на Аржиля въ замкѣ его Инверрари, истребить въ немъ въ одно время ненавистнаго соперника, врага своей фамиліи и главнѣйшую подпо-

ру Пресбитеріанъ, показавъ симъ послѣднимъ самыми блистательными подвигами, — что таковъ тотъ, которому они предпочли Аржиля, были слишкомъ лестныя и сладостныя мечты для мщенія; и потому они сдѣлали живѣйшее впечатлѣніе надъ пылкимъ воображеніемъ Монтроза.

Между тѣмъ, какъ онъ погруженъ былъ въ сихъ мечтаніяхъ, солдатъ, стоявшій на часахъ у дверей хижины, доложилъ Графу, что два человѣка желаютъ говорить съ Его Превосходительствомъ.

— „Какъ ихъ зовутъ?" спросилъ Монтрозъ; „и ка-

кую нужду имѣютъ до меня въ такое позднoе время?"

Солдатъ, бывшій изъ числа Ирландцевъ, Колкитто не могъ отвѣчать на вопросы своего Генерала; и потому Монтрозъ, не смѣвшій въ такихъ обстоятельствахъ никому отказывать въ тайномъ разговорѣ, опасаясь упустить чрезъ то какія-нибудь важныя свѣденія, принялъ только ту предосторожность, что приказалъ тѣлохранителямъ своимъ вооружиться; а потомъ приготовился принять незнакомцевъ. Лишь только онъ всталъ съ постели, и камердинеръ его зажегъ два факела, какъ два незнакомца вошли къ нему. Одинъ

изъ нихъ одѣтъ былъ въ платьѣ изъ замшу, какое носили тогда жители Нижнихъ земель, которое было весьма вѣтхо; другой же былъ старый Монтаньяръ высокаго роста, коего цвѣтъ лица уподоблялся желѣзу; во взорѣ сего послѣдняго было нѣчто дикое и свирѣпое.

— „Что вамъ надобно, друзья мои?" спросилъ Монтрозъ, невольно схватясь за пистолеты, потому что во времена междоусобныхъ войнъ, и особенно въ такіе поздные часы, можно имѣть подозрѣнія, которыя видъ незнакомцевъ весьма оправдывалъ.

—„Позвольте мнѣ, благородный мой Генералъ," сказалъ товарищь стараго Монтаньяра, „поздравить васъ съ великими побѣдами, одержанными вами съ того времени, какъ я имѣлъ нещастіе васъ оставить. Я слышалъ о Типпермирскомъ дѣлѣ, и признаюсь, это была славная небольшая схватка! Однако же, еслибъ мнѣ позволено было дать совѣтъ..."

—„Прежде, нежели вы оный дадите," сказалъ Монтрозъ, „сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?"

—„Признаюсь, Милордъ, я никогда не повѣрилъ бы, чтобъ мнѣ нужно было объ-

являть вамъ свое имя, послѣ той важной коммисіи, которую вы мнѣ поручили, обѣщавши мнѣ маіорскій чинъ и назначивъ пол-доллара въ день жалованья, и столько же недоимки, которая заплатится мнѣ по прошествіи кампаніи. Могу ли надѣяться, что Ваше Превосходительство не позабыли также жалованья моего, какъ мою особу?"

—„Ахъ! другъ мой, любезный Маіоръ!" сказалъ Монтрозъ, узнавши его; „извините, что, будучи такъ занятъ, я не могъ васъ тотчасъ узнать. При томъ же сіи факелы такъ мало даютъ свѣта... Но всѣ наши

условія будутъ въ точности исполнены. Ну, чтожъ, Маіоръ! какія новости принесли вы изъ Графства Аржиль? Я долженъ признаться, что мы отчаявались когда-либо васъ видѣть, и я готовился уже жестоко отмстить старой лисицѣ, нарушившей законы войны въ особѣ моего посланника.“

— „По чести, Милордъ,“ возразилъ Далжетти: „я отъ всего сердца желаю, чтобъ возвращеніе мое не сдѣлало никакого препятствія въ исполненіи столь справедливаго и похвальнаго предпріятія; ибо увѣряю васъ, что не Маркизъ Аржиль причиною того, что вы видите

меня передъ собою; и чортъ возьми, если я стану когда-нибудь ходатайствовать въ его пользу! — Богъ помогъ мнѣ освободиться отъ рукъ его посредствомъ превосходной хитрости, которую вы сей часъ узнаете; но сему старому Монтаньяру я также весьма много обязанъ своею свободою, и потому пріемлю смѣлость поручить его особенной благосклонности Вашего Сіятельства, какъ орудіе избавленія преданнаго вамъ Дюгальда Далжеттія, владѣльца Друмтваккета."

—„Это такая услуга," сказалъ съ важностію Монтрозъ, „за которую онъ по-

лучитъ достойную награду.“

—„Стань на колѣни, Ранальдъ,“ сказалъ Маіоръ: „и цѣлуй руку Его Превосходительства!“

Такъ какъ Монтаньяры не имѣли обыкновенія изъявлять такимъ образомъ свою признательность: то Ранальдъ удовольствовался тѣмъ, что сложилъ руки на груди своей и низко наклонилъ голову.

—„Этотъ бѣднякъ, Милордъ,“ прибавилъ Далжетти, принявши на себя видъ покровительства въ разсужденіи Ранальда: „этотъ

бѣднякъ въ самомъ дѣлѣ употребилъ всѣ усилія, чтобъ защитить меня отъ моихъ непріятелей, не имѣя другихъ оружій, кромѣ луковъ и стрѣлъ: чему Ваше Превосходительство безъ сомнѣнія не повѣрите."

—„Ни мало, Маіоръ!" прервалъ Монтрозъ: „напротивъ вы ихъ много увидите и въ моемъ лагерѣ. Они доставляютъ намъ большую пользу."

—„Большую пользу, Милордъ!" вскричалъ Далжетти: „извините мое удивленіе. . . Луки и стрѣлы! Я осмѣлюсь дать вамъ совѣтъ, при первомъ же случаѣ замѣнить ихъ ружьями. . . Мо

я стану продолжать: сей честной Монтаньяръ не только защищалъ меня, какъ я сей часъ вамъ докладывалъ; но имѣлъ еще искусство вылѣчить рану, полученную мною во время моего отступленія, и по симъ-то двумъ причинамъ я особенно поручаю его Вашему Превосходительству.

—„Какъ твое имя?" спросилъ Монтрозъ, обратясь къ Монтаньяру.

—„Я могу умолчать оное," отвѣчалъ сей послѣдній.

—„Онъ хочетъ сказать," прервалъ Маіоръ, „что желаешъ скрыть свое имя, по-

шому что нѣкогда онъ взялъ одинъ замокъ, умертвилъ нѣкоторыхъ дѣтей и оказалъ другія добрыя дѣла, которыя, какъ Ваше Превосходительство должны знать, весьма часто совершаются въ военное время; но друзья тѣхъ людей, съ коими сіе было сдѣлано, не слишкомъ благосклонно смотрятъ на человѣка, оказавшаго такіе поступки. Я знаю это по опыту, и нѣсколько разъ видалъ храбрыхъ воиновъ, умерщвляемыхъ крестьянами за то только, что они поступали съ ними по военному."

—„Понимаю," сказалъ Монтрозъ: „этотъ человѣкъ

имѣетъ какого - нибудь непріятеля въ числѣ нашихъ Офицеровъ. Пусть онъ пойдетъ въ караульню, а мы между тѣмъ вмѣстѣ подумаемъ о средствахъ, какъ его защитить отъ нихъ."

—„Слышишь ли, Ранальдъ," сказалъ Маіоръ съ гордымъ видомъ: „Его Превосходительство желаетъ посовѣтоваться со мною наединѣ; а ты между тѣмъ поди въ караульню... Но онъ бѣднякъ не знаетъ куда идти! Онъ еще новичекъ въ военномъ дѣлѣ! Я прикажу часовому проводить его, и тотчасъ возвращусь къ Вашему Превосходительству."

Когда онъ возвратился, то первый вопросъ, сдѣланный Монтрозомъ, относился къ прибытію Маіора въ Инверрари. Онъ слушалъ со вниманіемъ повѣствованіе Далжеттія, не взирая на многорѣчивость бывшаго Ротмистра. Впрочемъ это было не легкое дѣло, ибо Маіоръ сдѣлался теперь еще болтливѣе прежняго; но никто не зналъ лучше Монтроза, что когда должно было почерпнуть нужныя свѣдѣнія изъ рѣчей такихъ людей, каковъ былъ Далжетти: то единственное средство получить оныя состояло въ томъ, чтобъ оставить ихъ разсказывать по ихъ обычаю.

И въ самомъ дѣлѣ онъ не могъ разкаяваться въ своемъ терпѣніи; ибо въ числѣ добычи, которую Маіоръ осмѣлился присвоить себѣ въ Инверрари, была связка тайныхъ бумагъ Аржиля. Далжетти вручилъ ихъ своему Генералу, разсказавъ ему, какимъ образомъ завладѣлъ ими; но впрочемъ, какъ намъ извѣстно, онъ не входилъ въ дальнѣйшія подробности, потому что мы ни слова не слыхали о котелькѣ съ золотомъ, который Маіоръ присвоилъ себѣ въ одно время съ бумагами.

Въ то время, какъ онъ разсказывалъ, Монтрозъ съ жадностію читалъ при свѣ-

шѣ факела сіи драгоцѣнные документы, въ которыхъ находилъ новыя причины, способныя усугубить ненависть, питаемую имъ противъ Аржиля: „онъ не страшится меня," сказалъ Монтрозъ: „и такъ да почувствуетъ тяжесть руки моей!... Онъ хочетъ сжечь замокъ Мурдохъ?... Но прежде Инверрари превращенъ будетъ въ пепелъ.—О! для чего нѣтъ у меня провожатаго, который бы могъ вести меня чрезъ эти горы!"

Далжетти имѣлъ достаточное понятіе объ этомъ дѣлѣ, и потому угадалъ изъ словъ сихъ намѣреніе Монтроза. Прервавъ пространное

повѣствованіе, какое дѣлалъ о нападеніи, претерпѣнномъ дѣтями нощи, и о ранѣ, полученной имъ во время бѣгства, Маіоръ тотчасъ завелъ рѣчь о предметѣ, занимавшемъ Монтроза.

„Если Ваше Сіятельство," сказалъ онъ, „желаете сдѣлать нападеніе на Графство Аржиль: то Ранальдъ, сей бѣднякъ, котораго я вамъ рекомендовалъ, а также дѣти его и товарищи знаютъ всѣ тропинки и всѣ горныя дефилеи, туда ведущія какъ съ Востоку, такъ и съ Сѣверу."

—„Не уже ли?" спросилъ Монтрозъ: „какія причины

имѣете вы, предполагая, что ихъ познанія столь велики?“

—„Я сдѣлаю Вашему Сіятельству слѣдующее замѣчаніе: въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, которыя я провелъ съ ними для излѣченія моей раны, они принуждены были безпрестанно перемѣнять свои квартиры, по причинѣ многократныхъ покушеній Аржиля, хотѣвшаго завладѣть чиновникомъ, удостоеннымъ вашей довѣрености; и въ это время я имѣлъ случай не однажды удивляться необыкновенно-чудесному проворству, съ какимъ они всегда убѣгали по тропинкамъ, которыя можно почесть совер-

шенно непроходимыми. Наконецъ, когда я былъ въ состоянiи возвратиться къ Вашему Превосходительству: то сей Ральдъ Макъ Ягъ провелъ меня столь вѣрными дорогами, что лошадь моя Густавъ (котораго Ваше Превосходительство безъ сомнѣнiя не забыли), ни однажды не спотнулся во время пути. Я подумалъ тогда, если когда-либо мы будемъ имѣть нужду въ провожатыхъ, лазутчикахъ или шпiонахъ среди сихъ горъ: то не должны желать лучшихъ и проворнѣйшихъ Ранальда и его товарищей.“

—„А можете ли вы отвѣчать за его вѣрность?“ спро-

силъ Монтрозъ: „какъ его имя и какого онъ званія?"

— „Онъ изгнанникъ, Милордъ, разбойникъ по ремеслу; а зовутъ его Ранальдомъ Макъ Ягомъ, сыномъ нощи."

— „Кажется, я помню это имя," сказалъ Монтрозъ размышляя: „не совершили ли сіи дѣти нощи какого-нибудь преступленія противъ Макъ Олаевъ?"

Маіоръ напомнилъ ему объ убійствѣ хранителя лѣсовъ, и Монтрозъ тотчасъ вспомнилъ всѣ подробности его злодѣянія.

—„Какое нещастіе,“ возразилъ онъ, „что между сими людьми и Макъ Олаями существуетъ непримиримая ненависть! Аллинъ такъ храбро сражался въ продолженіи сей войны, а мрачное таинство его поступковъ и рѣчей имѣетъ такое вліяніе на разположеніе духа его соотечественниковъ, что весьма опасно подать ему какую-нибудь причину къ неудовольствію. Съ другой же стороны сіи люди, могущіе оказать важныя услуги, на коихъ—говорите вы—можно совершенно положиться. . .“

—„Я отвѣчаю за него, Милордъ, не только жало-

ваньемъ своимъ, доходами, лошадью и оружіемъ, но даже головою. Я готовъ все потерять, если они измѣнятъ вашей довѣренности; а Ваше Превосходительство должны знать, что храбрый воинъ можетъ ручаться такъ только за роднаго отца!"

—„Это правда; но такъ какъ сіе обстоятельство весьма важно: то я желалъ бы знать, почему вы такъ увѣрены въ ихъ вѣрности?"

—„Я вамъ это въ двухъ словахъ объясню, Милордъ," отвѣчалъ Далжетти: „они не только презрѣли большую награду, которую Аржилль, сдѣлалъ мнѣ честь,

обѣщавъ имъ за бѣдную мою голову; но даже не дотронулись до кошелька моего, который впрочемъ довольно туго былъ набитъ, и который вѣроятно не долго бы остался у меня за поясомъ, еслибъ около меня были мошенники солдаты, знающіе свое дѣло. Они возвратили мнѣ также и лошадь, которая, если Ваше Сіятельство помните, стоитъ изрядной цѣны; но всякое вѣроятіе превосходитъ то, что я никакъ не могъ принудить ихъ принять ни малѣйшей бездѣлицы, ни одного мараведиса *) за тѣ попеченія, какія

*) Испанская мѣлкая монета.

они принимали обо мнѣ во время моей болѣзни. Такъ, Милордъ, они не взяли денегъ, хотя я имъ оныя и предлагалъ.

— „Согласенъ," сказалъ Монтрозъ подумавши, „что поступокъ ихъ въ разсужденіи васъ заслуживаетъ похвалу; но какъ избѣжать того, чтобъ не произошло какой-нибудь ссоры?..." Онъ умолкъ; но потомъ вдругъ присовокупилъ: „я забылъ, что вы всю ночь путешествовали, любезный Маіоръ, и вѣрно желаете поѣсть чего-нибудь?"

Онъ приказалъ подать ему ужинать; и Маіоръ нашъ,

имѣвшій аппетитъ выздоравливающаго, выдерживавшаго продолжительную діэту, не заставилъ долго просить себя сдѣлать честь ужину, и принялся уписывать кушанья съ такою жадностію, что Графъ, наливши себѣ стаканъ вина и выпивъ за его здоровье, сдѣлалъ замѣчаніе, что какъ ни просты были съѣстные припасы въ его лагерѣ; но онъ опасается, что Маіоръ наблюдалъ еще строжайшій постъ во время пребыванія своего въ Графствѣ Аржиль.

—„Ваше Превосходительство сдѣлали справедливое заключеніе," сказалъ Далжетти съ набитымъ ртомъ;

„ибо пища, которую давали мнѣ бѣдные дѣти нощи, была столь мало питательна, что я весьма похудѣлъ; и даже когда хотѣлъ надѣть на себя кирасу, (которую для легкости принужденъ былъ оставить у нихъ): то тѣло мое было въ ней какъ изсохшее ядро орѣха въ скорлупѣ.

—„Надобно подумать о средствахъ вознаградить сіи убытки, любезный Маіоръ."

—„По чести, Милордъ, признаюсь, это не легко будетъ сдѣлать, если вы не обратите въ порядочное жалованье тѣхъ денегъ, коихъ платежъ отсроченъ вами до окончанія кампаніи; ибо—

увѣряю васъ, что въ вашей службѣ я потерялъ шу дебелость, которую приобрѣлъ было у Голландцевъ, выдававшихъ жалованье своимъ войскамъ съ такою точностію, коей я во всю жизнь свою не забуду!"

—„Не станемъ отчаяваться, любезный Маіоръ; лишь только одержимъ побѣду, какъ я вполнѣ удовлетворю ваши желанія. Но между тѣмъ налейте стаканъ вашъ и вознаградите потерянное время."

—„За здоровье Вашего Превосходительства," сказалъ Маіоръ, наливая полный стаканъ, чтобъ показать усер-

діе, съ какимъ пилъ за оное: „да восторжествуете вы надъ врагами вашими — и особенно надъ Аржилемъ! Экой хитрецъ! я задалъ ему порядочный урокъ; но надѣюсь дать еще лучшій при первой съ нимъ встрѣчѣ!"

—„Хорошо!" сказалъ Монтрозъ; „но возвратимся къ дѣтямъ нощи. — Вы должны понимать Далжетти, что пребываніе ихъ въ сихъ мѣстахъ, а также и причина, для коей мы употребимъ ихъ, — есть тайна, которая должна остаться только между нами."

Будучи возхищенъ симъ знакомъ довѣренности сво-

его Генерала (какъ Монтрозъ предвидѣлъ), Маіоръ приложилъ палецъ къ носу своему и кивнулъ головою, желая показать тѣмъ, что его понимаетъ.

—„Сколько Ранальдъ имѣетъ товарищей?“ спросилъ Монтрозъ.

—„Сколько я знаю, ихъ всѣхъ не болѣе восьми или десяти человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей.“

—„Гдѣ они теперь?“

—„Въ долинѣ, за три мили отсюда, во ожиданіи повелѣнія Вашего Превосходительства. Я не почелъ нуж-

нымъ привесть ихъ въ лагерь, не спрося вашего на то дозволенія.“

—„Вы очень хорошо сдѣлали. Пусть они остаются тамъ, гдѣ теперь находятся; не худо будетъ даже, если они уйдутъ и подалѣе. Я пошлю имъ денегъ, хотя у самаго теперь ихъ немного.“

—„О Боже мой! Милордъ, имъ ничего не надобно посылать. Вашему Превосходительству стоитъ только дать имъ знать, что Макъ Олаи должны проходить ту долину, гдѣ они теперь находятся, и тогда добрые мои дѣти нощи тотчасъ

сдѣлаютъ на право кругомъ и навострятъ лыжи.“

—„Это будетъ слишкомъ жестоко,“ возразилъ Монтрозъ усмѣхнувшись: „лучше послать имъ нѣсколько долларовъ, чтобъ они могли купить скота для прокормленія женъ своихъ и дѣтей.“

—„Напрасно, Милордъ, они могутъ достать онаго гораздо дешевлѣ“ вскричалъ Далжетти, „но впрочемъ Ваше Сіятельство можете поступить тутъ, какъ за благо разсудите.“

—„Послушайте, Далжетти! пусть Ранальдъ Макъ Ягъ выберетъ одного или

двухъ изъ своихъ товарищей, за которыхъ онъ могъ бы отвѣчать, и которые были бы способны хранить тайну. Они будутъ нашими проповѣдниками. Пусть придутъ завтра на разсвѣтѣ въ мою палатку, и постарайтесь, если возможно, чтобъ они не угадали моихъ намѣреній и не имѣли между собою никакихъ тайныхъ разговоровъ. Старикъ сей имѣетъ ли дѣтей?"

— „Онъ имѣлъ ихъ около двѣнадцати," продолжалъ Маіоръ; „но всѣ они были убиты, или повѣшены, кромѣ одного мальчика, въ которомъ, по чести, будетъ прокъ. Онъ и теперь тагу

не сдѣлаешъ, не имѣя камня за пазухой, будучи готовъ бросить его въ перваго, кто бы захотѣлъ ему сдѣлать какую-нибудь обиду. Это доказываетъ, что со временемъ онъ будетъ великимъ человѣкомъ, подобно Давиду, имѣвшему привычку бросать маленькими камешками, собираемыми имъ въ источникахъ.“

—„Я возьму къ себѣ этого мальчика, Маіоръ,“ сказалъ Графъ: „надѣюсь, что онъ имѣетъ довольно разума, чтобъ скрывать свое имя?“

—„Въ этомъ случаѣ нечего опасаться, Ваше Прево-

сходительство! Эти Монтаньяры лишь только вылупятся изъ яйца..."

—„И такъ," прервалъ Монтрозъ, „этотъ мальчикъ будетъ мнѣ порукою за вѣрность отца, и если Ранальдъ хорошо исполнитъ свою должность: то повышеніе сына будетъ за то наградою. Но подите, Маіоръ, вы имѣете нужду въ отдохновеніи. Завтра вы представите мнѣ сего Макъ Яга, подъ такимъ именемъ и званіемъ, подъ какимъ ему заблагоразсудится. Онъ вѣрно сдѣлалъ привычку переодѣваться въ разные костюмы, ведя такую странническую жизнь, и вѣрно почувствуетъ,

сколь важно для него самаго не быть узнаннымъ въ такихъ обстоятельствахъ.“

Маіоръ Далжетти простился съ Графомъ; гордясь пріемомъ, имъ полученнымъ, и будучи доволенъ поступкомъ новаго своего Генерала, который, какъ онъ весьма пространно изъяснилъ Ранальду Макъ Ягу, во многихъ отношеніяхъ сходствовалъ съ Густавомъ Адольфомъ, Сѣвернымъ Львомъ и защитникомъ Протестантскаго исповѣданія.

Конецъ Третей Части.